

Александра Корр

Пепел и золото. Истоки

Александра Корр

Пепел и золото. Истоки

<https://litres.ru/74375884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что потеряла всё: магию, родителей, себя. Она почтисмирилась с этим — пока в ночь священного праздника не встретила его снова. Но он уже не был тем, кого она любила. Он стал Безликим стражем, и охранял границы между мирами.

Александра Корр

Пепел и золото. Истоки

Глава 1.

Я сидела на крыльце старой фазенды и занималась заготовками для будущего посева.

Земля под пальцами была ещё прохладной, хотя весеннее солнце уже всю старалось её разбудить. Я перебирала комки влажного грунта, очищая от камней и прошлогодних корней, отбрасывая свежий мягкий грунт в одну сторону, а всё, что не нужно, — в другую. Движения давно стали привычными, почти медитативными. В этом ритме: руки в земле, солнце на лице, тишина вокруг — было что-то успокаивающее. Что-то, что позволяло не думать. Не вспоминать. Не ждать.

Люди говорили, что лето будет жарким и плодородным. Урожая, который мог бы накормить досыта, не было четыре долгих года. Земля отдавала скупое, неохотно, будто через силу. Она протестовала и наказывала нас, словно предвещала страшное знамение. Народ, изголодавшийся по нормальному образу жизни, по своей работе, разорённые крупные и мелкие торговцы, семьи, которые могли выжить только потому, что у них есть небольшой клочок земли и он их кормил, ждал, что этот год будет удачным, что наконец земля их простит и даст хорошие плоды.

В магическом мире не всё связано с магией: наша магия тесно вплетена в обычную рутинную жизнь. Она была не только фокусами, как некоторые могут себе представить, — только с её помощью некоторые выживали. Владеть магией ветра было отличным подарком, если ты несёшь службу в море. Владение магией огня отлично помогало в кузнечном деле. Ну а если ты можешь работать с разумом человека, это считалось великой привилегией: служба на королевскую семью тебе обеспечена, ну или может помочь стать отличным шпионом. Такую способность сразу же брали на карандаш, хоть и проявлялась она очень сложно и медленно, а некоторые и вовсе глушили её, так и не поняв, что ею обладают. Таких в нашем королевстве называли «*Тихими*».

Бабушка относилась к ним не то с жалостью, не то с презрением, потому что она считала, что голос силы всегда можно разбудить, если подвесить человека над костром.

Невиль Торнвуд, или, как я её называла, бабушка, была не простой женщиной. Она была сложной женщиной. Да её чёртова фамилия говорила сама за себя. Её прабабка была основательницей нашей столицы, за какие заслуги — конечно, это уже вопрос. Я молилась всем семи известным и молчала о тех, кого лучше не упоминать. Торнвуд из Торнвуда. Огромная глупость. Я была очень счастлива, что фамилия моя — от отца, Арианна Ортанн. Не то чтобы я не любила бабушку, и не то чтобы меня не знали, из какого я дома и кто же такая моя чёртова бабка и кем являлась её мать. Мне

было не по себе, когда я ловила взгляды на себе и слышала разные обидные словечки в сторону нашей семьи. Нет, нас никто не осуждал напрямую, никогда бы себе этого никто не позволил, а вот шушукаться за углами, между торговыми рядами — это да, это пожалуйста. Я эти байки знала наизусть, которые тянутся уже несколько поколений. А когда случилась беда с моими родителями, так и вовсе оживились все, кому не лень. Благо, я на тот момент была в Академии, но даже там слышала отголоски. Какой бы стервой её ни слыли, к ней шли, шли за советом, за помощью, а советы бесплатно она не раздавала, но была милосердной к «Тихим»: она считала их калеками, которых сломала судьба, не дав им то, что имели мы.

«Тихим не понять, — сказала бабушка, глядя на прохожих. — Они живут в мире, которого не слышат. Как слепые, которые не видят солнца».

В дверь постучали, когда мы пили чай. Я вздохнула и хотела расстегнуть сапоги, мечтая о тихом вечере. Бабушка даже не подняла головы: она уже заранее знала, кто придёт и что от неё хотят.

— *Войдите,* — сказала она.

На пороге стояла женщина, которую я не знала. Красные глаза, сжатые губы, руки, теребящие край платка. Видно, что она не спала уже несколько ночей и последнее место, куда она пришла, была Невиль.

— *Госпожа Торнвуд,* — начала она, окидывая нашу го-

стиную взглядом и судорожно переминаясь с ноги на ногу. — Мой муж... он пропал, — с запинкой продолжила она. — Третью ночь не возвращается. Люди сказали, что вы можете помочь.

Бабушка отставила чашку и начала торг.

— *Что ты готова отдать?*

Женщина побледнела.

— *Всё, что есть.*

Но у неё ничего не было. Её вид напоминал одну из тех, кто потерял в этой четырёхлетней утопии всё, что имел. Выбившиеся из косы волосы, руки, выдавшие тяжёлый труд, с грубыми мозолистыми пальцами. Следы на шее от... побоев? На захудалой шее были видны красноватые следы с подтёками недельной давности, синяк уже зацвёл, а значит, прошло около недели после стычки. И она его искала? Хотела найти и вернуть домой? Отчаявшаяся женщина. Мда, любовь, как говорится, зла.

— *Мне нужно не всё,* — сказала бабушка. — *Только твою самую тёплую шаль. Ту, что связала твоя мать.*

Женщина замерла, видимо, взвешивала, стоит ли её муж того. Ведь это, возможно, всё, что у неё имелось из ценного. Может, она хранила её как память о светлой жизни. Она кивнула в знак согласия, стараясь не смотреть.

— *Принесу,* — ответила она на выдохе и посмотрела на бьющиеся в огне поленья.

— *Не надо,* — отрезала и поднялась с кресла бабушка. —

Я знаю, где он. На старом тракте, у поворота на Торнвуд. Пьяный, лежит в кустах. Хочешь узнать, где он был эти три дня? А главное, с ке-е-ем? — протянула она так, будто пыталась что-то донести до неё.

Женщина побледнела и закусила от обиды щёку с внутренней стороны. Ненадолго замолчав, она вздохнула и ответила:

— *Спасибо, мисс Торнвуд, спасибо за это. — Но как вы...*

Невиль махнула рукой и жестом показала на дверь.

Женщина ушла, и бабушка вернулась в кресло. Я смотрела на огонь и думала о том, сколько ещё таких потерянных от безысходности людей придёт к ней.

Голос Советов молчал.

Они давно отошли от мирских проблем и впали в священный сон — так говорили жрецы. Передали правление главным консортам, чтобы мир до конца не развалился, а сами ушли в башни из чёрного камня, откуда не выходили уже третий год. Никто не знал, спят они или делают вид. Никто не знал, проснутся ли они вообще.

Я выпрямилась и потянулась. Руки были в земле по запястья, ногти грязные, в чёрной плодородной жиже. Бабушка Невиль сказала бы, что это неприлично для девушки из дома Торнвуд. Но я знала, что мой дом — дом Ортаннов, хоть и не состоявшийся. Я скорчила рожицу, изображая её, и даже передразнила: «Арианна, что за вид!» Но бабушка была далеко, в своей каменной крепости среди Северных Кряжей. А

здесь, на старой фазенде, доставшейся от родителей и давно заброшенной, никто не смотрел на мои руки. Никто вообще на меня не смотрел, даже старая Лорен, оставшаяся здесь много лет назад, чтобы это место окончательно не разрушилось. Лорен жила в соседней землянке, где раньше мы сваливали урожай для просушки, — затхлом и тёмном месте. Она была не приучена к удобствам и довольствовалась тем, что выбрала сама, хотя я много раз предлагала ей разделить со мной лачугу.

Весеннее солнце припекало не на шутку. Оно било в спину и заставляло пот стекать по вискам, но в этом тепле было что-то приятное. Оно давало надежду, что в этом году земля наконец простила нас.

Я опустила ладони в ведро с водой, смывая липкую грязь, и почувствовала его.

Тёплое дуновение ветра, непохожее на обычный весенний бриз. Оно коснулось щеки, шевельнуло волосы у виска, пахло сухими травами и мёдом. Я улыбнулась ещё до того, как услышала голос.

Так могла только она.

В воздухе дрогнули смутные очертания, и вместе с ветром прилетел её голос — глухой, чуть с усмешкой, такой родной, что у меня защемило в глазах.

— Я тебя долго искала, и зря. Ты, как всегда, на своём месте! Не надоело?

Я представила, как она качает головой, глядя на меня

сверху вниз. Ирна всегда была мудрее, смотрела на меня чуть снисходительнее других, но с такой теплотой, что обижаться было невозможно.

— В этом году Праздник Первого Цветка будет в Шепчущей роще. Говорят, Оливия Нортон обещала открыть старую библиотеку, и Элис уже места себе не находит.

Я усмехнулась. Элис. Конечно, библиотека. Если для меня счастье — это тишина и земля под пальцами, то для Элис — пыльные фолианты и запах старого пергамента.

— А ещё, — голос Ирны стал лукавым и мягким, — Аннет будет там.

Моя улыбка померкла, и глаза закатились сами собой.

— И не закатывай свои глаза! Знаю, знаю, ты всё ещё злишься. Но, может быть, весна смягчит даже самые твёрдые сердца? Приезжай. Я соскучилась. Мы все соскучились.

Ветерок исчез так же внезапно, как и появился, оставив на коже лёгкую прохладу. Я сидела не двигаясь. Смотрела на чистые руки, на ведро с мутной водой, на землю, которую только что перебирала.

Аннет.

Я не думала о ней почти год. Заставляла себя не думать. Но имя, произнесённое Ирной, ударило под рёбра, и старые раны заныли. Не то чтобы я не хотела её видеть — просто всё было слишком сложно. А поговорить не решался никто из нас. Ни я со своим чувством обострённой справедливости, ни она, держащая всё в себе до последнего. Я просто не

хотела об этом думать. Не сейчас. Обманщица, лицемерка, предательница — пронеслось у меня в голове.

Я подняла голову. Полуденное солнце ударило в глаза и заставило зажмуриться. Я прикрыла веки ладонью, давая глазам привыкнуть.

Потом встала, отряхнула брюки. Надо было прерваться.

Праздник Первого Цветка.

Слова отозвались где-то глубоко, в той части души, которая помнила детство. Праздник, который считался священным и одновременно страшным. Праздник, ради которого все жители нашего королевства — от знатных лордов до последнего бедняка — замирали в ожидании.

Именно там, в ночь праздника, все узнавали: будет ли урожай в этом году.

Цветок приносили из Заповедной Роши — места, куда простым смертным вход был запрещён весь год. Роша находилась в самом сердце Серединных Земель, на перекрёстке трёх магических потоков, где земля дышала иначе, а воздух звенел от невидимых вибраций. Её охраняли молчаливики — жрецы, давшие обет безмолвия. Никто не знал, как они выбирают тот самый цветок. Молчаливики единственные, кто служил тем, кого нельзя называть.

Говорили, что цветок всегда был Лунный Кристалл — редчайшее растение с серебристыми лепестками, цветущее всего одну ночь в году, на пике весеннего равноденствия. Его не сеяли, не сажали и не поливали. Оно появлялось само —

там, где земля считала нужным. Если в ночь праздника Лунный Кристалл распускался в полную силу, лепестки сияли мягким серебряным светом, тогда весь следующий год земля дарила щедрый урожай.

Но если цветок вял, если лепестки тускнели или, страшно представить, если он вовсе не распускался, это означало, что земля отвернулась от людей.

Последствия были ужасны. В тот год поля покрывались коркой, сады засыхали, скот падал от неизвестной болезни. Но страшнее голода было другое: магия искажалась. Заклинания работали не так, как должны, дары слабели или выходили из-под контроля, среди людей начиналась смута. В последний раз, когда цветок не распустился, Совет Голосов потерял троих членов — они лишились своего дара и сошли с ума. Последние четыре года мы боялись этой участи: цветок с каждым годом распускался всё медленнее, лепестки становились мельче, а их свет горел всё тусклее.

Вот почему все ждали праздника с трепетом. Вот почему даже те, кто давно разучился верить, в эту ночь зажигали свечи и шептали древние слова.

Я прошла в дом. Он был маленький, всего две комнаты, с низким потолком и большим окном, выходящим на восток. Здесь не было ни роскоши бабушкиного поместья, ни дорогой мебели. Пустота. После него... я не хотела ничего, что напоминало бы о красоте и уюте. Я хотела пустоты. В ней было легче дышать.

Я налила воды из кувшина, медленно выпила, глядя в окно на поля.

Праздник будет в Шепчущей роще. В двух днях пути отсюда.

Я провела ладонью по лицу и поняла: я поеду.

Не ради Аннет. Не ради примирения, к которому так настойчиво подталкивала Ирна. Я не была готова прощать. Не была готова смотреть в глаза той, чьё молчание до сих пор обжигало. Я поеду ради цветка. Ради того, чтобы узнать — будет ли этот год добрым.

Ради того, чтобы почувствовать себя частью мира, от которого я пряталась, мать его, целый год. Я поеду, потому что Ирна сказала: «Я соскучилась». И я соскучилась тоже. По её смеху, по её дурацким шуткам, по тому, как она умела молчать рядом, не требуя объяснений. Она не была той подругой, которая успокаивает по каждому поводу, — скорее той, которая может надрать задницу для восстановления чувств. За что я ей и была благодарна. Ведь подруга, готовая расцеловать, у меня уже имелась — Элис. Такое равновесие мне нравилось.

Я подошла к сундуку в углу, открыла крышку. Там лежало немного: смена одежды, тёплая шаль, бабушкин кинжал в простых кожаных ножнах. Я взяла его, взвесила на ладони. Она настояла, чтобы я взяла его, когда уезжала в Академию.

— Ты думаешь, я боюсь? — спросила я тогда.

— Я думаю, хороший клинок всегда пригодится, — отве-

тила бабушка.

Я сунула кинжал в мешок. Замерла, глядя на полупустой сундук.

Я уезжала одна. Никто не ждал моего возвращения на этой фазенде, даже Лорен я надоела за это время, и она пыталась спровадить меня уже тысячу раз. Никто не спросит, куда я пропала и когда вернусь. Это было одновременно страшно и высвобождающе.

Здесь, в тишине и одиночестве, я не исцелялась. Я просто застыла. Как земля зимой. И, возможно, пришло время позволить себе оттаять.

Я затянула мешок, перекинула через плечо и вышла на крыльцо.

Солнце било полуденным зноем, окрашивая небо в розовые и голубые тона.

Я сделала глубокий вдох. Впервые за долгое время — не чтобы успокоиться, а чтобы почувствовать вкус весны.

— Я еду, — сказала я вслух.

Ветер шевельнул волосы, будто отвечая: «Ура!»

Я закрыла дверь фазенды, не запирая. Здесь нечего было красть, кроме моих воспоминаний. А их я забирала с собой.

Дорога до Шепчущей рощи была долгой, и я не торопилась.

Впервые за долгое время я никуда не убегала. Я шла навстречу.

Глава 2

Я не стала завтракать с Лорен, да и она не горела желанием, чтобы я задерживалась здесь. Она не была злой — за этот год она слишком много видела боли и саморазрушения в моём лице, а это такое себе удовольствие.

С собой сунула в мешок хлеба, сыру и кусок вяленого мяса. Лорен встретила меня с Беллой у ворот. Она молчала, и это молчание было тяжелее любых слов. Эта женщина невысокого роста, с бледно-серыми глазами и загорелой кожей смотрела на меня, сквозь меня и, кажется, чувствовала тоже через меня. Лорен исправно кормила меня каждый день по наставлению бабушки, иначе я просто-напросто забывала это делать. Наши будни были не слишком разнообразны, но монотонная работа меня успокаивала. Мы перебирали еле живую землю и пытались придать ей хоть чуточку жизни. По вечерам я бродила по лесу, заворожённо смотрела на лучезариков в темноте: они мерцали чуть голубоватым светом, мне нравилось за ними наблюдать, их не волновало ничего, как и меня, впрочем. Но из этой ямы меня не вытащит никто — ни Ирна со своими ветерками, которые периодически жужжали мне под ухом, ни Элис, которая закидывала меня письмами сожалений. В какой-то момент Лорен, увидев, что я их перестала открывать, не носила их, а аккуратно складывала в сундук. И Аннет. Она приходила несколько раз под ворота нашей фазенды и плакала. Я видела и игнорировала.

Белла переступала с ноги на ногу, чуяла моё напряжение. Я уже взялась за повод, когда Лорен шагнула вперёд. Быстро, будто боялась, что её увидят, она коснулась сначала моего лба, потом морды Беллы и зашептала:

– Ветры Северные, укройте её спиной от стужи. Земля-Мать, прими её шаги без счёта. Огонь Домашний, согрей, когда остынет солнце. Вода Живая, напои, когда иссохнет путь. И вы, Трое Молчаливых, что стоите у порога между мирами, не смотрите на неё. Она ещё не ваша.

Она отшатнулась и перекрестила нас быстрым, испуганным жестом — древним знамением Трёх Молчаливых. Богов, которым молятся на границе жизни и смерти, на перекрёстках дорог, в минуты, когда не знаешь, вернёшься ли домой.

– Ступай, милая, и не возвращайся, — сказала женщина, и голос её сел. – И пусть Трое не заметят тебя.

Я кивнула, тронула Беллу, и мы вышли за ворота.

Белла радостно дёрнула своей серебристо-белой гривой и зашагала аллюром. Давно её никто не прищипывал, и она с удовольствием бросилась вскачь.

Лес встретил нас тишиной. Старый тракт сузился, превратившись в тропу, петляющую между вековых сосен и елей. Деревья смыкались кронами, солнце пробивалось редкими золотыми лучами. Они падали на землю пятнами света, живыми, подвижными, но почему-то не радостными. Скорее — настороженными.

Воздух стал другим. Сырым, тяжёлым, пахло мхом и прелой листвой.

Я сразу поняла: лес изменился.

В детстве я знала каждую тропинку. Знала, где растут самые сладкие ягоды костеглотки — на поляне за третьим поворотом, где старый дуб раскололся от удара молнии. Знала, где прячется родник с ледяной водой — у подножия валуна, поросшего серебристым мхом. Тогда лес был живым. Он шептал, смеялся, играл с нами, детьми. Мы бегали босиком по его тропам, и он подставлял мягкие мшистые спины, прятал в чашах, дразнил и баловал.

Сейчас он молчал. Не просто молчал, а отстранился.

Белла замедлила шаг, насторожила уши. Я чувствовала её беспокойство — она ловила звуки, которых я не слышала, ноздри раздувались, втягивая воздух.

— Что там? — спросила я, поглаживая её по шее. Ладонь чувствовала под шерстью напряжение, каждый мускул был натянут, как тетива.

Она фыркнула и мотнула головой, взметнув серебристую гриву, но пошла дальше. Я заметила их не сразу.

Корни старых деревьев всегда выступали из земли, переплетаясь в причудливые узоры. Бабушка говорила — это письмена, которые лес пишет сам себе, чтобы не забыть свою историю. Но обычно они лежали смирно. Твёрдые, неподвижные, на них можно было опереться, отдохнуть.

Сейчас они двигались.

Я заметила краем глаза: что-то шевельнулось на границе зрения. Толстый, узловатый корень медленно переползал через тропу. За ним второй. Третий.

Они двигались плавно, почти грациозно, как змеи, но медленнее. Каждое движение занимало минуту, другую, и в этой неторопливости было что-то гипнотическое.

Я остановила Беллу.

Мхиты, это были они. Бабушка рассказывала о них, когда я была маленькой. Древние существа, которые были здесь ещё до людей. Не злые, говорила бабушка. Просто старые. И чувствительные к тому, что происходит в мире.

Когда магия погасла в этих землях четыре года назад, Мхиты впали в спячку. Замерли. Стали просто корнями — мёртвыми и безжизненными.

Теперь они просыпались.

Я слышала об этом на постоялом дворе, когда Лорен меня посылала за провизией, чтобы я хоть немного выбиралась из своих грядок. Торговцы шептались: в лесу по ночам видят огни, в горах просыпаются старые камни, в долинах вода начала светиться. Люди говорили о знамениях, о возвращении магии, о том, что священный сон Совета Голосов подходит к концу. Я не знала, правда это или нет. Но Мхиты передо мной двигались.

— Мы просто идём домой, — сказала я спокойно, но осторожно. — Пропустите.

Мхиты замерли. Я чувствовала, как они слушают.

Это длилось долго. Белла начала нервничать. Я гладила её по гладкой шее, стараясь дышать ровно.

Белла шарахнулась, когда первый корень двинулся к её копытам. Она захрапела, попятилась.

– Тихо! — крикнула я. – Стой! Она замерла, тяжело дыша.

– Тихо, красавица, — прошептала я, наклоняясь к её уху.
– Смотри. Они пропускают нас.

Проход открылся — длинный коридор из живых корней, уходящий в глубину леса.

– Идём, — сказала я.

Мы ступили на тропу. Корни смыкались за нами с тихим скрежетом.

Мы углубились в лес ещё на милю, и тишина стала плотнее.

Белла шла, вздёргивая ушами. Воздух сделался тяжёлым, как перед грозой. Будто сам лес сжался вокруг нас, создавая давление, проверяя на прочность.

Я хотела остановиться, когда Белла замерла как вкопанная.

Я напряглась, вглядываясь вперёд. Сначала не увидела ничего. Потом, между стволами, я увидела движение.

Плавное, текучее, что-то скользило между деревьями, не касаясь веток.

Фигура.

Человеческая, но неправильная. Слишком тонкая, высо-

кая. Руки висели вдоль тела неестественно прямо, будто у тряпичной куклы.

Белла взвилась на дыбы, дико заржав. Я едва удержалась, вцепившись в гриву.

— Белла! СТОЙ!

Голос сорвался на крик. Я пыталась успокоить лошадь, поглаживая её по холке. Она, чувствуя опасность, замерла.

Подняв голову, я заметила, что фигура вышла на тропу и остановилась с краю.

Странница.

Бабушка рассказывала о них. Существа старого леса, которые появляются там, где магия искажается, и они начинают подпитываться ею. Их никто не видел много лет. Ушли туда, откуда не возвращаются. Но она стояла сейчас здесь, передо мной. Её образ завораживал и устрашал одновременно; по преданию, им нельзя было смотреть в лицо, по сути-то у них и лица не было. Как у молчаливых... До меня дошло только сейчас: странники — это изгнанные адепты. Точно, я вспомнила, что в Академии о них рассказывали, не подробно, потому что о таких существах было даже брезгливо говорить.

Странники были подобны паразитам: они присасывались к чужой энергии и укрепляли свою нить. У них был выбор — жить в таком состоянии или умереть, адепты давали им выбор. Потом они разбредались по лесам и искали, где и чем им насытиться. Их не видели очень давно, думали, что после

того, как магия истончилась, они все истлели, потому что питаться было нечем.

И тут она... во всём своём ужасном облике.

Страница стояла в нескольких шагах. Она была соткана из сумерек — серой, дымчатой плоти. У неё не было лица, только гладкая бледная кожа там, где должны быть глаза, нос и рот. Чёрные развилыстые вены, почти синие, прочерчивали так называемое «лицо». Но я чувствовала, что она смотрит.

Не на меня. За меня. Она смотрела на лес за моей спиной. На что-то, что происходило там, глубоко в чаще. Она как будто бы меня не замечала. Они чувствовали магию и к более сильным источникам подавались охотнее. Таким источником в данный момент я не была. Сейчас мою силу можно было сравнить чуть выше, чем у «Тихих».

Я не двигалась. Бабушка учила: замри. Не дыши. Как у безоружных охотников — либо ты притворишься мёртвым, либо ты начинаешь бежать, но бежать смысла не было, всё равно тебя догонят.

Страница стояла неподвижно.

Потом она повернула голову — медленно, плавно, как цветок за солнцем.

Она шагнула в сторону. Один шаг, второй. И медленно пошла между деревьями, удаляясь от тропы. Её фигура таяла в сумерках, растворялась в стволах.

Белла перестала дрожать. Я гладила её по мокрой шее.

– Всё, красавица. Ушла.

Лес вокруг был прежним — тёмным и сырым. Нужно было идти дальше.

Постоялый двор «Тихий берег»

К глубокой ночи мы вышли к реке.

Старый тракт раздваивался: одна ветка уходила на восток, к Академии Голосов, другая — на север, к Кряжам, где стоял Торнвуд. Белла уверенно свернула на северную, но я натянула поводья.

— Погоди, красавица. Нам нужно передохнуть.

Река называлась «Тихая» и была ровно такой, как обещало имя. Широкое, спокойное русло, вода цвета старого серебра, у берега заросли ив, ещё голых, но налившихся первой весенней желтизной. На высоком берегу притулился постоялый двор. Из трубы валил густой дым, пахло жареным мясом и свежим хлебом.

«Тихий берег» — прочитала я на вывеске.

Белла фыркнула и мотнула головой.

Я усмехнулась, поправила штанину, которая задралась от долгой езды, и похлопала лошадь по шее.

— Ладно, уговорила.

Внутри таверна оказалась больше, чем снаружи.

Большой зал с низкими потолками, тяжёлыми дубовыми балками и огромным камином. Длинные столы из грубого дерева, лавки покорёжены временем. На стенах свисают рога, старые карты, пучки сушёных трав. Над каминной полкой расположился череп зверя с длинными изогнутыми зубами.

Глазницы заткнуты пучками засохшей полыни.

За стойкой стояла женщина — полная, круглолицая, с руками, которые месили тесто, тут же наливали эль и пересчитывали монеты с одинаковой ловкостью. Она оглядела меня — штаны, куртка, дорожная сумка — и усмехнулась.

– Заезжая? — хриплым голосом спросила торговка.

– Проездом, — ответила я, усаживаясь. – В Торнвуд.

– Эль есть? — быстро переключила я тему.

– А как же. — Она пододвинула кружку. – Крепкий. Ядрёный.

Я сделала глоток. Эль оказался тёмным, густым, с хлебным вкусом и такой горечью, что глаза полезли на лоб.

– Хороший, — выдохнула я в кружку, облизывая пенные усы.

– Ещё бы, — хмыкнула женщина. — Меня, кстати, Мавра зовут. Хозяйка этого гадюшника.

Хозяйкой гадюшника оказалась крепкая высокая женщина со шрамом у правой брови, возможно, оставленным ей одним из пьяных посетителей. Её передник оставлял желать лучшего: грязный и засаленный, об который она с частой периодичностью вытирала руки после того, как нальёт кружку эля или вынесет на стол большой жирный кусок запечённой свиньи. Таверна не отличалась чистотой и лоском. Там оставались уставшие от

долгой дороги путники, преступники, скрывающиеся на

ночлежку, и просто местная бравада, приходящая за сплетнями и мордобоем. Короткие тёмные волосы Мавры были скрыты под туго завязанным платком, на юбке сбоку висели ключи, как у стражников в местных тюрьмах, ну такие, на больших кольцах. И кажется, у неё не было одного из зубов.

Я протянула руку в ответ на её гостеприимство.

– Арианна.

Мавра налила себе, чокнулась со мной и кивнула в сторону зала:

– У нас сегодня вечером байки будут. Задержишься?

– Посмотрю, — сказала я. — Если лошадь отдохнёт.

К вечеру зал наполнился.

Мавра носилась между столами, разливая выпивку. Возле камина собралась компания: три молчаливых мужика в углу, два извозчика и парень с гусями.

Я сидела у стойки, откинувшись на лавку, положив ногу на ногу, и допивала третий эль.

– Рассказывай, Гриня! — крикнул кто-то.

Мужик с красной рожей и бородой, в которой запутались крошки, отставил кружку, вытер усы и облокотился о каминную полку.

– Лес нынче беспокойный, — начал он, понижая голос. — Третью ночь там огни синие горят. Кто их видел, тот становится сам не свой, будто замороженный.

– Да врут всё! — махнул рукой возчик.

– А ты ночью в лес сунься, — возразил Гриня. — Мой кум

третьего дня чуть не заблудился. Корни на дорогу лезли, не пропускали. Толстенные, как змеи, шипят. Пока он монетку не бросил — не отступили.

— Корням — монетку? — удивился кто-то.

— Ага. Дурь, конечно. Но подействовало. Только вот кум мой после этого сам не свой. Во сне всё лес видит. И корни к нему тянутся.

Я усмехнулась в кружку, вспоминая, что речь шла о Мхи-тах.

— А я слышал другое, — подал голос парень с гусями. — Мой дядя живёт в горах. Говорит, что камни проснулись. По ночам гудят, как улы. Старики говорят — это к возвращению магии.

— Магия ушла, когда Совет уснул, — фыркнул Гриня.

— А может, возвращается, — возразил парень. — Праздник Первого Цветка не просто так.

— О, Праздник! — оживился извозчик. — Правда, что цветок из Забытых Берегов принесут?

— Правда, — сказал молчаливый мужик, сидевший в углу.

Все повернулись к нему. Лицо изрезано шрамами, глаза были бледными, как у Лорен. Он сидел у дальней стены, в кружке была тёмная, почти чёрная жидкость.

— Молчалники ушли туда три дня назад, — сказал он скрипучим голосом. — Их было трое. В чёрном, а лица скрыты. На рассвете нашли их следы — босые ноги на мёрзлой земле, уходили прямо в лес, к болотам. А на болотах вода

красная стала.

— Красная? — переспросил кто-то шёпотом.

— Красная, как кровь. Рыба дохлая плавает, глаза выедены.

А по ночам над болотом стоят огни.

— А что там, в Забытых Берегах? — спросила я.

Мужик посмотрел на меня.

— Там всё, что мы потеряли. И всё, чего боимся. Там магия не спит — она бредит. Если молчаливники принесут цветок — мир изменится. А если не принесут...

— Если не принесут? — подал голос извозчик.

— Значит, Забытые Берега никого не выпускают. И тогда нам останется только ждать. Пока то, что там живёт, само не выйдет.

— Терра милосердная, — прошептал кто-то.

— Не Терру зови, — сказал мужик. — Терра спит. Как и Совет. Мы сами по себе.

Я допила эль и поставила кружку. Пора проверять Беллу.

Я встала, поправила кинжал на поясе, и тут рядом плюхнулась тяжёлая туша. Кружка подпрыгнула и звякнула.

— Одна скучаешь, красавица?

Я повернула голову. Мужик — не из компании Грини. Поменьше ростом, но плотный, рожа красная, нос картошкой, усы облизывает. От него разило элем. Рубаха расстёгнута, пальцы унижены дешёвыми кольцами.

— Не скучаю, — сказала я. — Отдыхаю.

— А может, составишь компанию? — Он подвинулся. Рука

легла на стол рядом с моей. — Я тут один, и ты одна...

— Покоя, — ответила я.

Мужик хохотнул.

— А ты с характером! Люблю таких. В штанах, с характером... такие в постели огонь.

Он окинул меня взглядом — медленным, масляным, от которого кожа покрылась мурашками.

— И кинжальчик у тебя, — протянул он. — Опасная. Люблю опасных.

— Не лезь, — сказала я тихо.

— Да ладно тебе, — он положил ладонь на мою. Жирную, горячую, липкую. — Дай хоть опробую, раз такая ладная.

Я посмотрела на его руку. Потом на кружку. Пустую и увесистую.

— Терра, дай сил, — прошептала я.

И размахнулась.

Кружка встретилась с его головой с отличным звоном. Он охнул, зажмурился. Я схватила его за волосы и рванула вниз, опрокидывая лицом на стойку. Нос хрустнул, из ноздрей хлынула кровь.

— Ты! Сука! — заорал он.

Я прижала его лицо к дереву, наклонилась к уху:

— Я сказала — не лезь. Ты не послушал.

В зале стало тихо. Я достала кинжал. Он блеснул в свете камина. Я перехватила его поудобнее и приставила остриё туда, где у мужика висели его мужские причиндалы.

Сурик — кажется, так его назвал Гриня — замер. Перестал дышать и дёргаться.

— Ты... ты чё...

— Тихо, — сказала я. Кинжал чуть дрогнул, лезвие коснулось ткани. — Сейчас я тебе объясню, как устроен мир.

Я говорила тихо, спокойно, почти ласково. Так бабушка разговаривала с норовистыми лошадьми.

— Видишь эту штуку? — указывая на кинжал. — Хороший, острый. Бабушка подарила. Сказала: «Арианна, в жизни всякое бывает. Иногда нужно уметь объяснить человеку, что он не прав. Словами. А если слова не помогают — вот этим».

Я чуть отодвинула лезвие, провела по внутренней стороне его бедра. Сурик вздрогнул.

— Так вот, Сурик. Когда девушка говорит «не лезь» — это значит «не лезь». Когда она говорит «убери руку» — это значит «убери руку». Это слова, которые значат ровно то, что значат.

— Я понял, — прохрипел он. — Я всё понял.

— Что ты понял?

— Не лезть и убрать руки.

— Молодец. А ещё?

— А ещё?

— А ещё ты сейчас встанешь, заплатишь Мавре за кружку и уйдёшь в свою комнату. А утром уедешь. В другую сторону.

Не в Торнвуд. Понял?

– Понял.

– Повтори.

– Встану. Заплачу. Уйду и уеду. В другую сторону.

– Вот теперь молодец.

Я убрала кинжал, отпустила волосы и отступила.

Сурик выпрямился, шатаясь, бросил на стойку горсть монет и побрёл к лестнице, косясь в сторону наблюдавших за ним зевак.

Тишина держалась несколько секунд.

Потом Гриня разлился заливистым хохотом, и остальные его поддержали.

– Вот это я понимаю! Терра её носила, Вода растила, а Огонь в кузне ковал! Сурик теперь до конца дней будет заикаться, когда девок увидит! Молодец! Как тебя?

– Арианна.

– За Арианну! Которая знает, куда кинжал приставить!

– За Арианну! — грянул зал.

Мне налили новый эль. Гриня хлопал по плечу, гусляр заиграл весёлое.

Мавра наклонилась к моему уху:

– Могу я тебя попросить об услуге? Нужно кое-что передать в Торнвуд. Если тебя не затруднит.

– Конечно, — легко ответила я. Эль делал своё дело.

– Спасибо! Я отдам свёрток завтра. Всё за счёт заведения.

– Угу, завтра так завтра.

— Ну, тогда... — Мавра подняла кружку. — Терра тебе в помощь, Вода — сил, Огонь — тепла, а Ветры — дороги ровной.

Я выпила последнюю кружку и отправилась спать.

Проснувшись на сеновале, я искала глазами свою лошадь.

Белла стояла в стойле, смотрела на меня чёрным глазом.

В её взгляде читалось: «Ну и дура же ты, хозяйка».

— Не дура, — сказала я, садясь. — Героиня.

Она фыркнула.

Я спустилась во двор, умылась ледяной водой из ведра.

В кармане нашла три монеты и записку: «За кружку. И за Сурика. Приезжай ещё. Мавра». Свёрток с посылкой и адресом: Торнвуд, переулок Чистых Теней, храм Игниса.

Я сунула всё в навесной мешок у седла.

Когда я вывела Беллу, Гриня сидел на крыльце.

— А, героиня! — Он поднялся. — Гриня я. Вчера не познакомились.

— Арианна.

— Ты в Торнвуд?

— Именно туда.

Он оглянулся, понизил голос:

— Я видел тех молчаливиков, когда они в лес уходили. Старые, страшные, в чёрном. А один... с лицом. У остальных — пустота, а у этого было лицо. И глаза пустые. Он смотрел на меня, и мне показалось, он меня запомнил.

— Ты уверен?

– Видел. Я у жрецов спрашивал. А они говорят: молчали-ники все безликие. Таков обет, а если у молчалика есть лицо... значит, это уже не молчалик.

– А кто?

Гриня пожал плечами.

– Кто его знает. Ты в лесу будь осторожна. И на празднике тоже. Говорят, если цветок не распустится — быть беде. А если распустится...

– А если распустится?

Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела страх.

– Значит, всё только начинается.

Он хлопнул меня по плечу и ушёл.

Белла ткнулась мордой в плечо.

– Идём, — сказала я, забираясь в седло.

Мы выехали со двора. Мавра стояла на крыльце, улыба-лась, махала рукой.

– Возвращайся! В следующий раз научу, как кружкой бить, чтобы сразу наповал!

Я рассмеялась и пришпорила Беллу.

Мы вышли из чащи, когда солнце стояло высоко.

Лес расступился неожиданно — будто выдохнул, выпус-кая нас. Тропа расширилась, превращаясь в старую дорогу, обсаженную деревьями.

Я вздохнула полной грудью. Воздух здесь был другим — лёгким, прозрачным, пахло талой водой.

Белла шла бодрее, встряхивала головой, белая грива раз-

вевалась на ветру.

Впереди, на холме, показались домики, знакомые моему сердцу.

Торнвуд.

Старые каменные стены, высокие окна, сад, спускающийся к реке. Дом, где я выросла.

Сейчас я смотрела на эти стены и чувствовала, как что-то оттаивает в груди.

Бабушка вышла на крыльцо, когда мы въехали во двор.

Она не изменилась. Всё такая же высокая, прямая, с седыми волосами, собранными в тугой узел. Тёмное платье, тяжёлые кольца на пальцах и глаза, которые видят больше, чем говорят.

– Арианна, — сказала она.

Я сползла с седла. Ноги подкашивались. Бабушка не обняла меня — она никогда не была щедра на объятия, — но взяла за руку своими сухими и тёплыми пальцами.

– Ты видела, — сказала она.

– Странницу, — кивнула я. – И Мхиты двигались.

Бабушка промолчала. Посмотрела на лес.

– Идём в дом. Нам есть о чём поговорить.

Глава 3

Торнвуд. Ночь.

Мы сидели у камина. Бабушка молчала так долго, что я успела выпить весь отвар, который она поставила передо

мною. Горький. С медовым привкусом. Я ненавидела этот вкус в детстве. Сейчас он казался единственным, что ещё осталось от дома.

– Бабушка, люди говорят, магия возвращается. Мхиты проснулись. В лесу огни. Камни в горах гудят. Я сама это видела. Но ты говорила, что магия заточена в Забытых Берегах. Как это может быть одновременно?

Она усмехнулась. Эту усмешку я знала с детства. Она означала: «Сейчас я объясню тебе что-то очень простое, а ты будешь чувствовать себя душой, потому что не догадалась сама».

– Представь реку, Арианна. Широкую, полноводную. Она течёт по равнине и питает поля. Это наша магия. А теперь представь, что реку перегородили плотиной. Не полностью. Вода продолжает течь, но слабее. Поля чувствуют, что воды стало меньше, поэтому и урожай становится беднее.

– А Совет Голосов? — спросила я.

Она не ответила. Только покачала головой. Я поняла: она не знает или не хочет говорить. С ней это всегда так: ты никогда не понимаешь, что именно она утаивает.

Она наклонилась вперёд, и огонь камина осветил глубокие тени на её лице.

– Забытые Берега — это не просто болота, Арианна. Это место, куда магия стекалась тысячи лет. Каждое проклятие, которое не сработало. Каждый ритуал, который не завершили. Всё это уходило туда. Копилось и ждало.

– Но сейчас плотина трещит. Магия возвращается. Не потому, что кто-то открыл шлюзы. А потому, что давление стало слишком сильным. Она просачивается сквозь трещины. Мхиты чувствуют это. Камни гудят — это больная магия просыпается от вибрации. Огни в лесу — не сама магия, её отблески. Тени того, что копится там.

– Праздник Первого Цветка? — спросила я.

– Праздник — это отдушина. Каждый год молчаливники приносили из Заповедной Рощи Лунный Кристалл. Если он распускался, магия возвращалась в мир постепенно. Это позволяло сбрасывать давление, не разрушая плотину.

– Если они вернутся с живым цветком, они принесут часть той силы. Мир изменится. Если не вернутся...

– Если не вернутся, — закончила я, — давление будет расти. И в какой-то момент плотина прорвётся.

– И тогда всё, что существовало в Забытых Берегах, выйдет наружу. Все проклятия. Всё, что мы потеряли, и то, что не получилось.

Она замолчала. Я смотрела на неё. На её седые волосы, на её руки, сложенные на коленях. И вдруг поняла. Поняла то, что должна была понять ещё час назад.

– Ты не просто так заговорила о Забытых Берегах, — сказала я. – Я знаю тебя, бабушка. Ты никогда не говоришь что-то просто так.

Она перевела взгляд на меня. В её глазах мелькнуло что-то. Боль? Я не смогла разобрать. Но мне стало страшно.

– Твои родители, Арианна, ушли туда.

Мир качнулся, и я замерла. Внутри что-то оборвалось.

– Что значит — ушли? — спросила я. – Ты говорила, они ушли в святой город, в Диавель. А это совсем в другой стороне. Ты говорила, они вернутся.

– Я знаю, что я говорила. Я говорила то, что ты могла услышать. Ты была девочкой. Ты только что пережила... этого. Я не хочу называть его никаким словом. Ты была сломлена из-за этого чудовища. Как я могла сказать тебе, что твои родители ушли в место, откуда не возвращаются?

Я смотрела на неё. Она говорила, а я не слышала. Я слышала только одно: «откуда не возвращаются».

Они не вернутся. Они никогда не вернутся.

– Они живы? — спросила я. Это был не вопрос, а молитва. Я не молилась никогда в жизни. Даже когда мне было больно. Даже когда он... неважно. Но сейчас я молилась. Терре. Ветрам. Даже Трёх Молчаливым. Только бы она сказала «да».

Бабушка молчала. Слишком долго.

– Я не знаю, — сказала она наконец. – Я знаю, что они дошли. Что нашли то, что искали. А дальше — лишь одно письмо.

Она поднялась. Я смотрела, как она идёт к шкафу, открывает ключом, который всегда висит у неё на шее. Как достаёт шкатулку из тёмного дерева, инкрустированного серебром. Я знала эту шкатулку. Она стояла в её комнате всегда, сколько я себя помню. Я думала, там лежат старые украшения.

Она поставила шкатулку на стол передо мной.

– Открой.

Я подняла крышку. Внутри лежало письмо. Бумага жёлтая, с обгоревшими краями. Будто его тащили через огонь. Почерк я узнала сразу. Мамин. Она писала с причудливыми завитками. Она всегда говорила, что это делает её письма красивыми. Я тогда смеялась и отвечала, что никто не разбирает её каракули.

Теперь я разбирала каждую букву. Каждую чёрточку и завиток.

«Мама,

Мы нашли его. Место, где магия лечит. Я чувствую, как нить крепнет с каждым днём. Симптомы пропадают. Дыхание ровное. Дориан говорит, что я словно пою впервые за много лет.

Но мы не можем вернуться. Эта земля держит нас. Если мы уйдём, нить оборвётся.

Не ищи нас. Не пытайся помочь. Когда придёт время — нить сама приведёт нас домой. Или оборвётся.

Твоя Элиана».

Я перечитала письмо трижды. Четырежды. Пять раз. Слова не менялись. Смысл не становился яснее.

Бабушка села напротив. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным. Как будто она уже пережила эту боль и теперь просто вспоминала.

— Ты знаешь, что твоя мать всегда была слабой. Не телом — даром. Её магическая нить была тонкой, хрупкой. Как паутинка. И однажды она начала истончаться.

Она замолчала. Я ждала. У меня внутри всё кричало, но я молчала.

Бабушка не любила говорить о даре матери. Такой могущественный род не мог иметь такого слабого члена семьи. Она была счастлива, когда мама вышла замуж и взяла фамилию отца. Когда спланировала её на поруки ему. Помимо мамы у неё было ещё две дочери. Одна очень плодовитая, вторая чрезмерно глупая. Хотя они обе не отличались умом, зато магия из них лилась рекой. Поэтому они и ходили в любимчиках. А мать выдалась умом, но не выдалась даром. Поэтому и заболела.

— Я помню, — сказала я. — Я помню, как она мучилась. Как вы запирали дверь.

— Это была болезнь самого дара. Мы перепробовали всё. А потом до них дошёл слух о замке Дьявол, где магия лечит. Где можно восстановить даже самую хрупкую нить. Они ушли туда. Сказали, вернутся, как только Элиан окрепнет. А потом пришло это письмо.

Я провела пальцами по краю бумаги. Она была шершавой. Мама держала её в руках и писала эти слова. И думала, что делает правильно.

— Они не могут вернуться, — сказала я. — Потому что магия тех мест держит их. Та самая магия, которая сейчас пы-

тается вырваться оттуда.

– Да. Пока давление было слабым, они могли оставаться там. Но теперь, когда магия возвращается, их нити начинают тянуться обратно. И если они порвутся...

– Если порвутся, они умрут, — закончила я.

Бабушка молчала.

Я смотрела на неё. На её лицо, которое ничего не выражало. И я вдруг поняла, что она боится. Так же, как я. Может быть, даже сильнее. Но она не показывает. Она никогда не показывает.

– Ты поэтому не хотела, чтобы я ехала на праздник, — сказала я. – Ты знала, что я узнаю. Что я захочу пойти. И ты надеялась, что я останусь.

– Да, — сказала бабушка. – Надеялась. Как дура.

– А теперь? — я резко встала, и кресло отлетело назад. – Теперь ты решила, что я готова? Что я созрела? Что я достаточно страдала, чтобы идти в эти твои болота?

– Я не решаю за тебя.

– Не решаешь?! — Я засмеялась. Горько. Почти истерично. Я слышала свой смех и не узнавала его. – Ты спрятала письмо. Ты молчала всё это время. Ты смотрела, как я гнию на этой фазенде. Как не ем, не сплю, не хочу жить. И ты молчала! А теперь — «я не решаю»!

– Я ждала. — Бабушка поднялась. Медленно. Тяжело. Она устала. Устала так, что это видно было в каждой её косточке. – Я ждала, когда ты сама захочешь жить. Когда перестанешь

просто существовать. Когда вспомнишь, кто ты.

— А если бы я не вспомнила? — крикнула я. — Если бы я так и осталась на этой фазенде, перебирала землю и смотрела в одну точку? Что тогда?

— Ты бы не осталась, — сказала бабушка. — Ты приехала. Ты здесь. Ты всё узнала. Ты сама.

— Не надо! — Я ударила кулаком по стене. Боль пронзила руку. Хорошая такая боль. Настоящая. — Не надо говорить, что я сама. Ты привела меня к этому разговору. Ты открыла шкатулку. Ты дала мне письмо. Ты манипулировала мной! Как он!

Бабушка побледнела. Я видела, как кровь отлила от её лица. Но она не отступила. Она даже не пошевелилась.

— Не смей сравнивать меня с ним, — сказала она тихо. — Я никогда не заставляла тебя делать то, чего ты не хочешь. Я только открывала двери, и ты сама в них входила.

— Потому что ты знала, что я войду! — закричала я. — Ты знала, что я не смогу сидеть сложа руки. Что я брошусь их спасать. И ты просто стояла в стороне и смотрела!

— Да, — сказала бабушка. — Смотрела. И молилась. Каждую ночь. Чтобы ты не пошла. Чтобы ты выбрала себя. Чтобы ты осталась.

— А если я не хочу идти? — Я смотрела на неё в упор. Внутри всё кипело. Злость. Боль. Страх. — Если я скажу: нет, пусть гниют в своих болотах? Что тогда?

— Тогда я закрою шкатулку, — сказала бабушка. — Спрячу

её обратно. И мы никогда больше не будем об этом говорить.

— Ты врёшь.

— Не вру.

— Ты не сможешь. Ты будешь смотреть на меня и знать, что они там. Живы. Что я могла пойти, но не пошла. Ты будешь ненавидеть меня.

— Я никогда не смогу тебя ненавидеть, — сказала бабушка.

— Ты моя внучка.

— А они — твоя дочь и зять!

— Да. — Голос бабушки дрогнул. Впервые за весь разговор. — И я уже похоронила их однажды. Когда они ушли. Я могу похоронить их во второй раз. Но я не хочу хоронить тебя.

Я замерла.

— Ты думаешь, я хочу, чтобы ты шла? — Бабушка шагнула ко мне. Её глаза блестели. Но она не плакала. Она никогда не плакала. — Ты думаешь, я сплю спокойно? Я каждую ночь молюсь, чтобы ты проснулась и передумала. Чтобы ты сказала: «Нет, бабушка, я останусь». Чтобы ты выбрала жизнь.

— Но ты не скажешь, — продолжала она. — Потому что ты — моя внучка. Потому что ты упрямая, как я, потому что ты не умеешь сидеть сложа руки, когда кто-то, кого ты любишь, в беде. Даже если эти «кто-то» оставили тебя. Даже если они выбрали не тебя.

— Они не бросали меня, — прошептала я. Я знала, что вру. Но я не могла признаться. Не сейчас. Не ей.

– Бросили, — жёстко сказала бабушка. — Они выбрали свою смерть. Они выбрали свой риск. Они оставили тебя мне. И я сделала всё, чтобы ты выросла. И я не позволю тебе умереть за тех, кто тебя не выбрал.

– Но я выберу их, — сказала я тихо. И это было правдой. Я не знала, когда решила, — как будто это решение всегда было одним, бескомпромиссным.

– Знаю, — бабушка вздохнула. — Поэтому я не хотела, чтобы ты ехала на праздник. Поэтому я хотела, чтобы ты осталась на фазенде. Не потому, что я хотела тебя спрятать. А потому, что я надеялась, что ты выберешь себя.

– Если молчаливики вернутся с живым цветком, — сказала я тихо, — значит, туда можно войти и вернуться. Значит, есть способ распутать их нити.

– Я пойду.

– Я знаю.

– Ты не пойдёшь со мной.

– Я старая, — усмехнулась бабушка. — Я буду ждать. Здесь. И помогать тебе всем, чем смогу. Мы, Торнвуды, — сильный народ...

Хотя она знала, что её дочь была слабой. Она давно это приняла. Но она любила её. И я — всё, что у неё осталось от своей слабой, немощной дочери.

– А если я не вернусь?

– Вернёшься. Ты слишком упрямая, чтобы умирать.

Бабушка подошла ко мне. Взяла мои руки в свои.

— Я сама пойду в эти болота, — сказала она. — Вытащу тебя. Приведу домой. И запру в подвале, чтобы больше никуда не лезла.

Я не знала, смеяться или плакать. В итоге сделала и то, и другое.

Бабушка обняла меня. Впервые за много лет. Крепко. По-настоящему. Я чувствовала запах её трав. Её старых платьев. Её дома. Я вдруг поняла, как сильно я скучала по этому дому. Как сильно я скучала по ней.

— Иди, — сказала она мне в макушку. — Ложись спать, завтра сложный день.

Я вышла в коридор. Луна светила в высокое окно, отбрасывая на пол серебряные прямоугольники. А далеко-далеко, над верхушками леса, мерцал слабый синий свет.

Я сжала шкатулку крепче.

Я найду вас. Распутая эту нить. Или сплету новую. Я обещаю.

Глава 4

Бабушка отправила Беллу в конюшню ещё вечером, сказав: «Сегодня лошадям там лучше, чем на площади. Народу будет — не протолкнуться». Белла заслужила отдых после дороги.

Торнвуд просыпался. Не тот Торнвуд, который я помнила из детства, с его тихими улочками и сонными ставнями. Сегодня город дышал иначе. Воздух был наполнен запаха-

ми, которых я не чувствовала много лет: свежей выпечки, хвои, мёда и ещё чем-то неуловимым – тем самым, чем пахнет праздник, когда всё вокруг обещает чудо.

Мы вышли за ворота, и я вдохнула полной грудью. До площади было двадцать минут ходьбы, но я знала эту дорогу с детства: вниз по холму, мимо старой рощи, потом через мост над ручьём, который к весне разливался так, что вода доходила до перил.

– Не торопись, – сказала бабушка, поправляя шаль на плечах. – Успеет.

Я сбавила шаг, хотя ноги сами несли вперёд.

Роща встретила нас первыми птицами. Они ещё не пели вовсе – только пробовали голоса, перекликались, спорили о чём-то. Солнце только начинало золотить верхушки деревьев, и свет падал на тропу полосами, мягкими, почти осязаемыми.

– Раньше мы здесь бегали, – сказала я, показывая на тропинку, уходящую вглубь. – Помнишь?

– Помню, – голос бабушки был спокойным. – Ты вечно возвращалась с подолами, полными шишек, и утверждала, что это сокровища.

– Это были сокровища, – улыбнулась я.

Под мостом ручей бурлил так же, как в детстве. Я остановилась на минуту, глядя, как вода кружится в водоворотах, унося прошлогодние листья. Бабушка встала рядом, и мы молча смотрели на воду.

– Ты скучала? – спросила я.

– По чему?

– По городу. По праздникам. По всему этому.

Бабушка помолчала. Потом сказала:

– Я скучала по тебе. Остальное – не важно.

Мы вышли к площади, когда солнце уже поднялось над крышами.

Город преобразился. Я помнила эту площадь серой, пустой, с закрытыми ставнями и редкими прохожими, которые торопились по своим делам, не глядя по сторонам. Сегодня она кипела.

Разноцветные шатры и палатки выстроились ровными рядами, оставляя в центре свободное место – там, где позже будут ждать цветов. Флаги трепетали на ветру: зелёные, синие, золотые, с вышитыми знаками домов и гильдий. Пахло жареным мясом, карамелью, дымом и едва уловимо – весной.

Люди заполнили площадь. Семьи с детьми, которые тащили родителей за руки к сладким лавкам. Пожилые пары, устроившиеся на скамьях в тени старых лип. Молодёжь, смеющаяся и перекрикивающаяся через головы. Торговцы зывали покупателей, расхваливая товары так громко, что у меня заложило уши.

– Ну, – бабушка коснулась моего локтя. – С чего начнём?

Первая лавка, к которой мы подошли, торговала ветрами в бутылках.

Я остановилась как вкопанная. Маленькие стеклянные со-

суды, оплетённые серебряной проволокой, мерцали на солнце. Внутри каждого клубился цветной туман: золотой, синий, розовый, зелёный. Хозяин – сухонький старичок с хитрыми глазами – тут же подскочил к нам.

– Для поднятия настроения! – затараторил он, указывая на розовый. – Для ясности мыслей! – на синий. – Для удачи в делах! – на золотой. – Открываете – и ветер сам найдёт того, кто в нём нуждается.

– А зелёный? – спросила я.

Старичок загадочно улыбнулся.

– Зелёный для тех, кто ищет дорогу домой.

Я хотела спросить, что это значит, но бабушка уже потянула меня дальше.

Следующая лавка была завалена говорящими камнями. Гладкие, отполированные речной водой голыши лежали на чёрном бархате, и каждый тихонько шептал что-то своё. Я наклонилась – один из них бормотал о погоде, второй жаловался на холод, третий с важным видом перечислял имена, которых я не знала.

– Они сплетничают, – пояснила торговка, молодая женщина с ярко-рыжими волосами. – Собирают всё, что слышат у воды. Хотите купить?

– Зачем? – спросила я.

– А затем, – она подмигнула, – что камни никогда не врут. В отличие от людей.

Бабушка фыркнула и пошла дальше. Я задержалась на ми-

нуту, слушая, как камень с правого края шепчет: «...а она всё не верила, не верила, пока сама не увидела...» Я отодвинулась. Сплетничать я умела и без камней.

Дальше были одноразовые амулеты (на один день, на один дождь, на одну улыбку), зеркала, показывающие прошлое (но только то, что вы уже знали). В одной лавке продавали сны в мешочках – маленькие матерчатые узелки, пахнувшие лавандой.

Каждый мешочек хранил свой собственный мир: в одном можно было прогуляться по туманным берегам забытого острова, в другом – танцевать под звёздами с незнакомцем, чьего лица никогда не удавалось разглядеть. Самые дорогие сны пахли не лавандой, а морозным воздухом и хвоей – говорили, что их собирали в горах, где облака касаются вершин.

Рядом, на пыльной полке, выстроились склянки с эхом: в одних хранились обрывки старинных песен, в других – шёпот чьих-то признаний, давно забытых. Если поднести такую склянку к уху, можно было услышать, как кто-то смеётся или шепчет: «Я вернусь». Правда, никто не знал, кому это было сказано и когда.

В углу, прикрытые кружевной салфеткой, лежали карты – не для гаданий, а для путешествий. Каждая открывала дверь в одно-единственное место: в сад, где цветут серебряные лилии, на мост, который существует только на рассвете, или в

комнату, где время остановилось много лет назад. Но брали их редко: никто не знал наверняка, куда приведёт следующая карта и получится ли вернуться обратно.

А за прилавком сидел хозяин лавки – старик с глазами, похожими на две старинные монеты. Он знал цену каждому предмету, но никогда не называл её сразу. Вместо этого он задавал вопрос – иногда простой («Какой ваш самый сладкий сон?»), иногда странный («Что вы потеряли, но не заметили?»). И только когда покупатель отвечал, цена становилась ясна: прядь волос, забытое воспоминание или обещание прийти снова.

– Сон добрый. Положишь под подушку – увидишь то, что давно забыл. Или то, что боялся вспомнить. Смотря какой мешочек возьмёшь.

Он окинул меня взглядом, оценивающе посмотрел сверху вниз и лукаво улыбнулся, подошёл так близко, чтобы бабушка его не услышала. Её внимание заняла какая-то женщина с яркими платками, на которых узор танцевал и менял цвет под цвет настроения. Она торговалась так, будто это битва её жизни. Значит – не услышит.

– У меня для тебя есть кое-что интересное, – сказал продавец и начал шарить под прилавком. – Вот, нашёл! Сон будущего мужа. И то... что он с тобой может сделать... Это исключительный товар!

Я густо покраснела, мои глаза забегали от стыда и непристойного предложения. Я открыла рот, чтобы ответить что-

то резкое – может быть, даже пригрозить кинжалом, как тому Сурику в таверне, – но слова застряли в горле, потому что я не знала, что хуже: признаться, что меня смутили, или сделать вид, что ничего не случилось.

Сзади кто-то пронзил меня гулким смешком и шепнул возле моего уха так громко, чтобы продавец слышал:

– Дайте нам два.

Я обернулась.

Ирна стояла за моей спиной, сложив руки на груди, с лицом, которое пыталось быть серьёзным, но губы уже дрожали от смеха. Её светлые волосы были растрёпаны, щёки покраснелись от быстрой ходьбы, а глаза сияли так, что я сразу поняла: она слышала всё. От начала и до конца.

– Ирна! – выдохнула я.

– Две штуки, – повторила она продавцу, намеренно растягивая слова и чеканя каждую букву, не сводя с меня глаз. – И заверните покрасивее. Это... для подруг...

Я закатила глаза.

Продавец засуетился и зашуршал бумагой. А Ирна шагнула ко мне, схватила за плечи и тряхнула так, что у меня зубы клацнули.

– Ты! – сказала она, и в её голосе было столько всего сразу – и радость, и удивление, и тот самый смех, который она сдерживала из последних сил. – Ты, которая не отвечала на письма! Ты, которая пропала на год! Ты, которая...

– Я здесь, – сказала я, и голос мой дрогнул.

Она сжала меня в объятиях так крепко, что я пискнула. Ирна пахла сухими травами, дорогой и тем неуловимым запахом ветра, который всегда был с ней, сколько я её помнила.

– Я тебя убью, – прошептала она мне в плечо. – Потом. Сначала обниму. Потом убью.

– Договорились, – прошептала я в ответ, чувствуя, как комок подкатывает к горлу.

Продавец протянул два маленьких свёртка, перевязанных серебряной нитью. Ирна взяла их, сунула один мне в руку, второй спрятала в карман.

– Сон будущего мужа, – сказала она, и голос её снова задрожал от смеха. – Арианна. Ты только что купила сон будущего мужа.

– Я не...

– Краснеешь.

– Я не краснею!

– Краснеешь, как пион на рассвете.

Я закрыла лицо руками. Ирна захохотала – громко, заливисто, откинув голову, так, что прохожие оглядывались и улыбались.

Невиль обернулась, с блаженным видом выигранной битвы, танцующим платком в руках и сумкой наперевес в другой, чтобы достать оплату за трофей. Недовольная торговка, вздёрнув нос, показывая, что битва ещё не проиграна, ждала своей оплаты.

– Ты та же самая, – сказала Ирна, отсмеявшись. – Та же

самая. Ничего не изменилось.

– Изменилось, – сказала я. – Всё изменилось.

Она посмотрела на меня внимательно, и смех исчез из её глаз, уступив место чему-то другому – тому, что она никогда не показывала при людях.

– Знаю, – сказала она. – Поэтому я так рада, что ты здесь.

Она взяла меня за руку, и мы пошли по площади, между лавок, людей, смеха и музыки.

– Элис уже здесь, – сказала Ирна. – Она в библиотеке с утра, но обещала выбраться к вечеру. Говорит, нашла что-то невероятное в старых свитках. Что-то про Забытые Берега.

Я вздрогнула.

– Зачем ей Забытые Берега?

– Она не сказала. Ты же знаешь Элис – пока не разберётся, не успокоится. А разбирается она долго.

Мы прошли мимо лавки с говорящими камнями. Один из них шепнул: «...две подруги, давно не виделись...» – и я улыбнулась.

– А Аннет? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Ирна сжала мою руку.

– Будет. К вечеру. Она... – Ирна запнулась. – Она хочет поговорить с тобой.

– Я не готова, – сказала я.

– Она тоже не готова. Но говорит, что больше не может

молчать.

Мы остановились у фонтана. Дети бегали вокруг, взрослые сидели на скамьях. Солнце поднялось уже высоко, и вода в фонтане сверкала так, что глазам было больно.

– Знаешь, – сказала Ирна, доставая из кармана свой свёрток. – А давай проверим, что там за сон?

– Ирна! Что за... Давай не здесь! Все увидят! И вообще, мне кажется, что они специально кладут туда неправду! Лишь бы продать! – начала я искать отговорки, хотя знала, что это не так. Магию нельзя обмануть.

– Что? – она развязала серебряную нить. – Ну и пусть. И потом, если он мне не понравится, я скажу, что это ты купила.

Она открыла мешочек, заглянула внутрь, потом вытряхнула содержимое на ладонь.

Там был маленький прозрачный шарик, внутри которого кружились золотые искры.

– Красиво, – сказала я.

– Не то слово, – Ирна поднесла шарик к глазам. – Как думаешь, надо его разбить или он сам?

– Я бы не стала...

– Это должна сделать ты! Сон твой, значит, и муж твой! Ну... давай же.

Честно, мне не хотелось заниматься этим на людях, но она смотрела на меня с такими ожидающими глазами, в которых было написано: «Ари, ну хватит киснуть, давай развлечём-

ся!»

Она передала мне шарик, и я чиркнула им о край фонтана.

Стекло треснуло, и золотые искры вырвались наружу, закружились над нашими головами, а потом... потом я увидела.

На секунду – всего на секунду – перед глазами мелькнуло лицо. Мужское, но незнакомое. Улыбка, тёплые глаза, руки, протянутые ко мне. А потом всё исчезло.

Я моргнула. Ирна смотрела на меня с открытым ртом.

– Ты... – начала она.

– Молчи, – сказала я.

– Ты видела?

– Молчи!

Она рассмеялась, и я рассмеялась вместе с ней, потому что это было глупо, смешно и так по-нашему, по-старому, что внутри что-то оттаяло.

– Ирна, – сказала я, когда мы отсмеялись.

– Что?

– Спасибо, что позвала.

Она взяла меня за руку.

– Спасибо, что приехала. – Она сунула мне второй мешочек и сказала: – Посмотри внимательно ещё раз, только дома...

Сты-до-ба. Я сунула мешочек в карман, и мы наблюдали, как дети собираются с другой стороны фонтана.

Вода в фонтане сверкала, дети визжали, и где-то над площадью кружили золотые искры – последние остатки сна, ко-

торый, может быть, когда-нибудь сбудется.

Крик толпы привлёк наше внимание. На небольшом помосте в конце ряда шатров появился человек в длинном синем плаще, расшитом серебряными звёздами. Он был молод, с острым лицом и быстрыми руками, которые двигались так, что глаза не успевали следить.

– Добрые люди! – крикнул он, и голос его перекрыл гомон площади. – Скажите мне, чего вы хотите больше всего?

Толпа загудела. Кто-то крикнул: «Урожая!», кто-то: «Счастья!», кто-то: «Весны!»

– Весны? – фокусник приложил руку к уху. – Весна уже тут! Вы её чувствуете? Она у вас под ногами, в воздухе!

Он щёлкнул пальцами – и из его ладони взметнулся сноп золотых искр. Толпа ахнула. Искры закружились над головами, рассыпаясь мелкими блёстками, которые исчезали, не долетая до земли.

– А может, вы хотите чуда? – продолжал фокусник, обводя взглядом зрителей. – Чуда... которое вы давно не видели?

Он вытянул руку, и из пустого рукава выскользнула длинная лента – алая, как кровь, широкая, как река. Она извивалась в воздухе, не падая, и фокусник двигал ею, как дирижёр оркестром. Лента кружилась, сворачивалась кольцами, распускалась цветком, снова превращалась в ленту.

– Это не магия, – шепнула я бабушке.

– Знаю, – так же тихо ответила она. – Это искусство. Но сегодня они не отличат ни то, ни другое.

Фокусник между тем выхватил из воздуха шар – прозрачный, переливающийся всеми цветами. Он подбросил его, и шар лопнул,

рассыпавшись дождём из крошечных бабочек. Они разлетелись над толпой, и дети закричали от восторга, ловя их ладошками.

– А теперь! – фокусник поднял руки, призывая к тишине. – А теперь я покажу вам то, что никто из вас не видел!

Он щёлкнул пальцами – и свет над помостом погас. Не солнце, нет – просто в том месте, где он стоял, стало темно. Толпа охнула. В темноте зажглись огоньки – синие, как те, что я видела в лесу, но не пугающие, а мягкие и тёплые. Они складывались в фигуры: сначала в дерево, потом в цветок, потом в лицо – красивое, молодое, с закрытыми глазами.

– Это память, – сказал фокусник, и голос его стал тише. – Это то, что было, и то, что будет. Смотрите.

Фигура открыла глаза. Из её рук вырос цветок – тот самый, Лунный Кристалл, серебристый, мерцающий. Он распускался на глазах, лепесток за лепестком, и свет от него заливал всё вокруг. Толпа замерла. Кто-то выдохнул, а кто-то прошептал молитву.

Потом фокусник хлопнул в ладоши, и видение исчезло. Солнце снова засияло, бабочки улетели, лента упала к его ногам.

– Это добрый знак! – крикнул он, кланяясь. – К вечеру

увидим, прав я был или нет!

Толпа заплодировала. Дети тянули к нему руки, взрослые бросали монеты.

– Красиво, – сказала я.

– Опасно, – поправила бабушка. Неодобрительно покачала головой и развернулась в другую сторону. – Он показал то, чего не знает. А показывать то, чего не знаешь... это игра с огнём.

Я посмотрела на неё, но она уже шла дальше.

Бабушка подошла к лавке и протянула монету.

– С чем? – спросил мужик.

– С вишней. Два.

Она взяла пирожки – горячие, в промасленной бумаге, посыпанные сахарной пудрой. Один протянула мне.

Я взяла, не веря своим глазам. Бабушка покупала пирожки? Та самая бабушка, которая говорила, что «сладости портят характер» и «от вишни во рту кисло, а на душе пусто»?

– Давно не ела, – сказала она, садясь на свободную скамью.

Я села рядом. Пока Ирна выбирала подарки для Аннет и Элис, разгребая гору блестящих штучек, мы остались вдвоём с Невиль.

Пирожок был горячим, почти обжигал пальцы. Я откусила – и мир перевернулся.

Вишня была кислой, терпкой, с лёгкой горчинкой. Тесто

– мягким, рассыпчатым, тающим на языке. Сахарная пудра оседала на губах, и я слизывала её, как в детстве.

Я помнила этот вкус. Помнила, как мы с матерью стояли у этой же лавки – только тогда её держал дед, а не его сын. Мать покупала пирожки с вишней, и мы ели их, сидя на парапете фонтана, болтая ногами.

– Осторожнее, испачкаешься, – говорила она.

– А ты испачкалась! – кричала я.

– Я не могу испачкаться, я же взрослая.

– Врёшь!

– Не вру. – Она улыбалась, и у неё на щеке была полоска вишнёвого варенья.

– А это что?

– Это... это... солнце поцеловало!

Я засмеялась, и она засмеялась, и мы ели пирожки, пока не кончились, а потом облизывали пальцы и строили друг другу рожицы.

Сейчас, сидя на скамье рядом с бабушкой, я чувствовала, как комок подкатывает к горлу. Не от кислой вишни – от чего-то другого. От того, что этот вкус – мамин. И он всё ещё здесь. В пирожках, в воздухе, в весеннем солнце.

– Вкусно? – спросила бабушка.

Я кивнула, боясь, что голос дрогнет.

– Я тоже помню, – сказала она. – Как вы с ней... Я стояла у ворот и смотрела. Думала: ну почему они такие грязные, а смеются так, будто всё чисто.

Я не выдержала и засмеялась. Бабушка улыбнулась краешком губ.

– Ты на неё похожа, – сказала она. – Так же смеёшься. Так же вишнёвым пирожком пачкаешься.

Я посмотрела на свои пальцы – они были в сахарной пудре. Я лизнула их, и бабушка фыркнула.

– И так же невоспитанна.

Мы доели пирожки в тишине. Хорошей, спокойной, таковой, какая бывает только между своими.

Солнце клонилось к закату, когда мы с Ирной нашли скамью у старых лип – отсюда хорошо было видно и помост, и путь, по которому должны были принести цветок. Бабушка осталась у фонтана, где встретила старую знакомую – какую-то женщину в тёмно-синем плаще, с которой они тут же ушли в сторону храма Игниса, о чём-то оживлённо переговариваясь.

– Она сказала, что вернётся к полуночи, – объяснила я Ирне.

– Ну и хорошо, – та махнула рукой. – Значит, у нас есть время.

Она вытянула ноги, откинулась на спинку скамьи и смотрела, как площадь постепенно пустеет. Лавки сворачивались, торговцы пересчитывали выручку. Фокусник раскладывался перед последними зрителями. У фонтана остались только дети, которые никак не хотели уходить, и их уставшие матери.

– Элис обещала быть к вечеру, – сказала Ирна, поглядывая на восток. – Но ты же знаешь, если она в библиотеке, её оттуда и кнутом не вытащить.

– А Аннет?

Ирна помолчала.

– Придёт.

– Ты уверена?

– Она сама сказала. Сказала, что больше не может. Что нужно... – Ирна запнулась, подбирая слова. – Что нужно всё объяснить.

Я сжала пальцы, чувствуя, как внутри поднимается старая, знакомая тяжесть. Я не была готова. Но, кажется, никто из нас не был готов.

Мы сидели молча, глядя на закат. Небо окрасилось в розовое, потом в золотое, потом в тёмно-синее. На площади зажгли фонари – десятки маленьких огоньков, которые отражались в воде фонтана и делали вечер похожим на сон.

– Смотри, – сказала Ирна, толкая меня локтем.

Я подняла голову.

Элис бежала к нам через площадь.

Она не шла – она бежала, расталкивая редких прохожих локтями, прижимая к груди толстую книгу, а её белые волосы выбились из строгого пучка и развевались на ветру. Я узнала её издали – по лёгкой походке, разлетающейся юбке, по тому, как она смеялась, налетев на какого-то торговца и извинившись на бегу.

– Она что-то нашла, – сказала Ирна.

– Откуда знаешь?

– Она всегда так бежит, когда что-то находит. В прошлый раз, когда она раскопала в архивах карту древних захоронений, она влетела в мою комнату в два часа ночи и разбудила меня криком «Нашла!».

Я невольно улыбнулась. – Она и тебя так будила?

– И тебя бы будила, если бы ты была в академии. – Ирна вздохнула. – Она по тебе очень скучала.

Элис подлетела к нам, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, сияющими глазами. Она бросила книгу на скамью и, не говоря ни слова, накинулась на меня с объятиями. Схватила за плечи, сжала так, что я пискнула, потом отстранилась, заглянула в лицо, потом снова прижала к себе, потом отодвинула, чтобы рассмотреть.

– Арианна! – выдохнула она. – Арианна, Арианна, Арианна!

– Я здесь, – сказала я, задыхаясь от её напора.

– Ты жива! Ты не похудела даже! А я переживала, думала, ты там голодаешь, траву какую-то жуёшь, а ты! А ты!

Она снова обняла меня, и я рассмеялась – потому что это была Элис, и она всегда была такой. Слишком громкой, слишком яркой, слишком любящей.

– Дай ей подышать, – сказала Ирна, одёргивая Элис за рукав.

– Не дам, – отрезала Элис, не отпуская меня. – Я её год не видела. Год! Она не отвечала на письма, не приезжала, не...

– Я здесь, – повторила я, глядя её по спине. – Приехала.

Элис отстранилась, посмотрела на меня. Глаза у неё блеснули.

– Больше не пропадай, – сказала она.

– Не буду.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Она удовлетворённо кивнула, села рядом и, не выпуская моей руки, прижалась плечом. Тактильная, всегда ищущая тепла – такой я её помнила с первого дня в Академии Голосов, когда она под села ко мне в библиотеке и спросила: «Ты тоже никого здесь не знаешь? Давай дружить?» – и сразу взяла за руку, будто мы знали друг друга всю жизнь.

– Ну? – сказала Ирна. – Что нашла? Не томи.

Элис перевела взгляд на книгу, потом на меня.

– Потом, – сказала она. – Когда все соберутся.

– Когда все соберутся? – переспросила я.

– Ты знаешь, о ком я, – Элис сжала мою руку. – Мы ждём

Аннет.

Я промолчала.

– Она будет, – добавила Элис тише. – Я говорила с ней сегодня утром. Она... она выглядит неважно.

– В каком смысле? – спросила Ирна.

– В смысле – не спала несколько ночей. Ходит по библио-

теке, смотрит в одну точку. Я спросила, что случилось, а она сказала: «Надо рассказать Арианне. Всё». И больше ни слова.

Я смотрела на свои руки. Элис не отпускала мою ладонь, перебирала пальцы, гладила, успокаивала – так она всегда делала, когда чувствовала, что я напряжена.

– Ты злишься? – спросила она.

– Не знаю, – честно ответила я.

– Можно злиться, – сказала Элис. – Я тоже на неё злилась. Долго. Но потом... – Она вздохнула. – Она говорила, что приходила к твоей фазенде. Два раза. Стояла у ворот, не могла войти.

– Ты мне уже говорила, – сказала Ирна.

– Не тебе, – Элис посмотрела на меня. – Ей.

Я подняла голову.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Потому что она идёт, – сказала Элис, глядя мне за спину.

– И потому что ты должна знать: она мучилась. Не меньше, чем ты.

И потому что... – она запнулась, потом выпалила: – И потому что я люблю тебя и хочу, чтобы ты была счастлива. А чтобы быть счастливой, надо иногда прощать.

Я посмотрела на неё. Она смотрела на меня с такой серьёзностью, что я невольно улыбнулась.

– Ты невыносима, – сказала я.

– Знаю, – она просияла. – Но ты меня всё равно любишь.

– Кто тебе это сказал?

– Никто. Я просто знаю.

Она чмокнула меня в щёку и, довольная, откинулась на спинку скамьи. Я, конечно, никогда её не поощряла за чрезмерную тактильность, но и препятствовать этому не могла, зная, что только ко мне она испытывала такие чувства. Противоположности притягиваются. Она рассмеялась, когда цвет моих волос изменился на светло-сиреневый – цвет раздражения. Такой особенностью меня одарила Терра, ну и моя мама, когда во время беременности выпила тот самый разноцветный ветер, который продавался на городской площади в стеклянных бутылках. Её не предупредили о побочных эффектах, и это было крайне неудобно в некоторых случаях, потому что все сразу знали, какое у меня настроение.

Я старалась контролировать этот процесс, когда моя магия была ещё сильна и не давала сбоев перед тем, как всё случилось...

Сейчас я могла похвастаться своими силами, встав рядом с фокусником, и ничего больше. Это удручало. Целый год я пыталась собраться, успокоиться и настроиться, но то, что произошло, то произошло. И сейчас нам предстоял этот странный диалог, пронесённый через год моего аскетизма. Вдали от родных и подруг.

Я обернулась.

Аннет шла через площадь.

Я узнала её сразу, хотя она изменилась. Раньше Аннет бы-

ла яркой – ярче всех нас. Она носила цветные платья, смеялась громко, привлекала внимание, даже когда не хотела. Сейчас на ней было тёмное, простое платье, волосы не уложены, лицо бледное, под глазами круги. Длинные, нереально прямые, стеклянные, тёмные волосы распушенно лежали вокруг её головы и тела. Чёрт, я обожала её волосы, всегда ими восхищалась, чего не скажешь о моих, когда каждый конфуз отражался соответствующим цветом на них. Ещё они не росли. Рост остановился на отметке выше плеча.

Она шла медленно, будто каждое движение давалось ей с трудом.

Ирна поднялась, шагнула к ней, взяла за руку. Что-то шепнула. Аннет кивнула, не поднимая глаз. Ирна была к ней ближе всех. И переживала за неё так же, как и за меня. Она находилась между двух огней и предпочла занять нейтральную сторону и сдерживать его настолько, насколько могла.

Элис вскочила со скамьи, подбежала к Аннет и обняла её. Крепко, по-своему – со всей своей нерастраченной нежностью.

– Иди уже, – сказала она, подталкивая Аннет в мою сторону. – Иди.

Сама она отошла к Ирне, взяла её под руку и увлекла в сторону, оставляя нас наедине.

Я осталась сидеть на скамье.

Аннет подошла, остановилась. Смотрела в землю.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

– Ты... ты хорошо выглядишь.

– А ты нет.

Она усмехнулась – горько, безрадостно.

– Я знала, что ты это скажешь. Ты всегда говорила правду.

– А ты всегда молчала.

Аннет подняла голову. Глаза у неё были красные, но сухие.

Она начала сразу прямо, без лишних прелюдий.

– Я знала про него, – сказала она. – Знала, что он делает. Что он с тобой делает. Я знала это ещё до того, как вы начали встречаться. Я.. – она запнулась, – я была влюблена в него. Долго. Потом вы

стали встречаться, и я завидовала. А потом я узнала, что он... что он делает. И я не могла сказать. Потому что, если бы я сказала, мне пришлось бы признать, что я любила чудовище. И что я завидовала тебе. И что я...

– Что ты была дрянью, – закончила я.

– Да, – выдохнула Аннет. – Я была дрянью.

Тишина повисла между нами.

– Я ненавидела тебя, – сказала я. – Долго. Думала о тебе и чувствовала, как всё внутри переворачивается.

– Я знаю.

– Я хотела, чтобы ты пришла. Чтобы ты объяснила. Чтобы

ты... — я замолчала, подбирая слова. — Чтобы ты сказала, что это неправда. Что ты не знала. Что ты не могла знать.

— Я знала, — сказала Аннет. — И могла сказать. Но не сказала.

— Ты знала, что он применяет свою силу на мне! Знала и молчала! Чего ты хотела этим добиться? Его расположения, за счёт чего? Предав меня?

Она села на скамью рядом со мной — не близко, на расстоянии, но не убежала.

— Я не знаю, как просить прощения, — сказала она. — Я не знаю, можно ли вообще это простить. Он и мной манипулировал. — Мои глаза округлились, и я повернулась в её сторону.

— И как давно ты узнала?

— Уже после того, как всё случилось... Ты, ты уже уехала, а я обратилась к целителю души, и там мне уже всё рассказали, что он оставил отпечаток, но не такой большой, как у тебя. Его воздействие на меня было менее... долгим.

Я отвернулась и хотела уже уйти. Цвет волос окрасился в чёрный с синим отливом. Мне было больно.

— Но я хочу... я хочу, чтобы ты знала: я ни дня не жила спокойно. Я приходила к твоей фазенде. Стояла у ворот. Думала: сейчас войду. И не могла. Потому что боялась увидеть твои глаза.

— И сейчас не боишься?

Она посмотрела на меня. В её глазах блестели слёзы.

Я смотрела на неё. На её бледное лицо, на тёмные круги под глазами, на руки, которые она сжимала так, что побелели костяшки. Она выглядела так, будто не спала этот год. Или всю жизнь, что я её знала. А знала я её всегда.

Внутри меня всё кипело.

Одна часть меня хотела встать и уйти. Просто встать и уйти. Хлопнуть дверью. Оставить её здесь, на этой скамейке, с её слезами и её «боюсь, но больше не могу». Пусть боится. Пусть не может. Пусть гниёт в своей вине, как я гнила на той фазенде.

Другая часть меня хотела ударить её. Не за прошлое. За то, что пришла только сейчас. За то, что заставила меня ждать целый год. За то, что я всё это время думала, что ей просто всё равно. А она, моя подруга детства, с которой мы делили секреты, первую любовь, первые слёзы, – она стояла под моими воротами. И плакала. И не могла войти.

Третья часть меня – та, которую я пыталась убить последний год, – хотела обнять её.

Я ненавидела эту часть.

– Дура, – сказала я. – Иди сюда.

Она не поняла. Я сама подвинулась и обняла её.

Она была холодной. И твёрдой. Как камень, который долго лежал на морозе. Я чувствовала, как дрожат её плечи.

Аннет всхлипнула – один раз, коротко, будто не разрешала себе больше. Потом ещё. Потом она уткнулась мне в плечо и заплакала – тихо, беззвучно, только плечи дрожали.

– Прости, – прошептала она. – Прости меня, пожалуйста.

– Заткнись, – сказала я, чувствуя, как собственные глаза защищало. – Заткнись и не ной.

Она засмеялась сквозь слёзы.

– Ты всё такая же.

– А ты всё такая же дура.

Элис, которая всё это время стояла в стороне, стиснув руки и кусая губы, чтобы не вмешаться, сорвалась с места и подлетела к нам. Она обняла нас обеих сразу – так, что я оказалась зажатой между ней и Аннет, и мы все трое чуть не свалились со скамьи.

– Девочки, – причитала Элис, – девочки мои, ну наконец-то!

– Элис, ты меня душишь, – прохрипела я.

– А я тебя люблю, – сказала она, не отпуская. – Обеих. Даже если вы дуры.

– Я не дура, – сказала Аннет, вытирая нос рукавом.

– Дура, – сказала Ирна, подходя и складывая руки на груди. – Но наша.

Она села рядом, и мы вчетвером оказались на одной скамье, как раньше. Элис втиснулась между мной и Аннет, положила голову мне на плечо, рукой обняла Аннет за талию. Ирна сидела с краю, но тоже придвинулась, чтобы касаться плечом.

– Теперь хорошо, – сказала Элис.

– Тесно, – сказала я.

– Зато тепло, – ответила она и чмокнула меня в щёку. – Я так по тебе скучала, Арианна.

– Я тоже, – сказала я тихо.

– И я, – добавила Аннет.

– И я, – сказала Ирна.

Мы замолчали, греясь друг о друга.

– Элис, – сказала я. – Что у тебя в книге?

Элис подняла голову, посмотрела на меня. Улыбка исчезла с её лица.

– Я расскажу, – сказала она. – Но позже. Когда всё закончится.

– Когда закончится праздник? – спросила Ирна.

– Когда мы поймём, что происходит с цветком, – ответила Элис.

Она посмотрела на небо, где уже показалась первая луна.

– Скоро полночь. Пора.

Мы встали. Элис взяла меня за руку, не отпуская. Ирна подхватила Аннет под локоть. Мы пошли к помосту, туда, где собирались люди, где мерцали фонари и затихали голоса.

В толпе я увидела бабушку – она стояла у самой ограды, рядом с той женщиной в синем плаще. Она поймала мой взгляд, кивнула.

Я кивнула в ответ.

– Идём, – сказала Элис, сжимая мою руку.

Глава 5

Луна висела над площадью, как бледная монета, брошен-

ная на чёрное сукно. Время замерло. Даже воздух, казалось, боялся дышать.

А потом на краю толпы прошёл шёпот. Тихий, скользящий, как первый треск льда на реке.

– Идут.

Слова прокатились над головами, и люди начали расступаться. Кто-то опустил на колени, кто-то прижал руки к груди и зашептал молитву так быстро, что слова сливались в один тягучий стон.

В проходе показались фигуры.

Трое в чёрном.

Молчальники.

Они шли медленно. Ноги ступали по камням без звука – ни шороха, ни стука. Словно они не касались мостовой, она сама отступала перед ними, не желая оскверниться.

Чёрные балахоны струились тяжёлыми складками, скрывая всё: тела, лица и даже дыхание. Руки сложены на груди в древнем жесте, которым меня провожала Лорен.

Между ними на чёрной бархатной подушке лежал цветок.

Его было не видно, только свет – слабый, он пробивался сквозь складки ткани и пульсировал в такт шагам. Он дышал. Я могла поклясться – цветок дышал.

Мурашки побежали по спине, и я невольно сжала кулаки.

Кто-то позади всхлипнул и прошептал: «Слава Terre, принесли».

Элис сжала мою руку. Её пальцы горели. Я сжала в ответ,

чувствуя, как её ногти впиваются в мою кожу. Ирна подалась вперёд, чуть вставая на цыпочки. Аннет прижалась плечом к моему плечу – я чувствовала, как она дрожит. Мелко, часто, как осиновый лист на ветру.

Молчаливники поднялись на помост. Три ступени. На первой у того, что шёл слева, край балахона зацепился за доску. Он даже не остановился, ткань с глухим треском порвалась и осталась висеть клочьями.

На помосте они встали треугольником. Тот, что в центре, был выше остальных на целую голову. Он взял подушку и поднял её над собой.

Цветок открылся взглядам.

Я не знала, чего ожидать. Никто не знал. Его принесли из Забытых Берегов – впервые. Это не мог быть Лунный Кристалл. В мёртвой, забытой земле не мог расти такой светлый цветок.

В детстве я видела Лунный Кристалл дважды. Один раз – когда мать брала меня на праздник, и я сидела на её плечах, чтобы разглядеть его. Тогда он был серебряным, чистым, прозрачным, как капля росы на утренней траве. Лепестки его светились ровным, спокойным светом, и от этого света хотелось улыбаться.

Сейчас передо мной было нечто совсем другое.

Цветок был красным. Кроваво-красным, тяжёлым, густым, как запёкшаяся кровь на лезвии ножа. Лепестки не светились – они пульсировали. Медленно, глубоко, будто

внутри билось живое сердце. Что-то древнее, голодное, что не должно было просыпаться. Лепестки были плотными, почти мясистыми, и в их глубине, на самом дне, клубилась тьма. Живая, вязкая, она перетекала с лепестка на лепесток, собиралась в центре и расползалась снова.

Он был страшен. Но в его красоте было что-то, от чего нельзя было отвести взгляд.

– Что это? – прошептала Аннет.

– Не знаю, – ответила Элис.

Молчальник опустил цветок на постамент. Я не заметила, когда он появился – чёрный камень с вырезанными по краю рунами. Когда цветок коснулся его, руны вспыхнули. Тускло. Неохотно. Будто их заставляли гореть против воли.

Трое замерли, склонив головы.

Толпа замерла вместе с ними.

А потом началось.

Сначала я подумала – показалось. Лёгкий шум, будто ветер поднялся где-то далеко, на самом краю земли. Но ветра не было. Флаги над лавками висели спокойно. Волосы не шевелились. Воздух стоял, тяжёлый и неподвижный, как перед грозой.

Потом я почувствовала вибрацию.

Слабую, едва уловимую. Она шла от земли. От камней под ногами. От стен домов, которые вдруг начали дрожать мелкой, противной дрожью. Вибрация поднималась по ногам, по позвоночнику, добиралась до затылка, и там, на границе

между кожей и волосами, рассыпалась тысячей иголок.

Люди зашептались. Сначала тихо, неуверенно. Потом громче. Кто-то испуганно оглянулся. Кто-то, наоборот, уставился на цветок, не в силах отвести взгляд. В толпе заплакал ребёнок – тонко, надрывно, и этот плач резанул по ушам острее вибрации.

– Что это? – спросила я, и голос мой прозвучал чужим.

Элис молчала. Она смотрела на цветок, и лицо её было белым. Не бледным – белым, как бумага, как первый снег, как та пустота, которая наступает, когда страх становится слишком сильным, чтобы его выразить.

Свечение цветка изменилось.

Красный свет, который лился от него ровным потоком, начал пульсировать. Сначала медленно: раз... два... раз... два... Потом быстрее. Быстрее. Быстрее. Как сердцебиение.

Тьма внутри лепестков разрасталась. Она заполняла цветок, вытесняя красный свет, перетекала на постамент, на руки молчаливых. Руны на чёрном камне загорались ярче – и гасли. Загорались – и гасли. Будто что-то мешало им гореть.

Один из молчаливых – тот, что стоял справа – упал на колени.

Это случилось без звука. Он просто сложился, внутри него что-то сломалось, и он опустился на доски помоста, как пустой мешок. Капюшон сполз с его головы.

Там не было лица. Гладкая, бледная кожа там, где должны быть глаза, нос, рот. И в этой пустоте – красный свет, пульси-

рующий, живой, вытекающий из цветка и втекающий в него. Будто через этого молчаливника шёл какой-то ток. Будто он был не человеком, а проводником.

Толпа ахнула. Кто-то закричал и рванул назад, увлекая за собой других. Но большинство замерли, как и я – не в

силах отвести взгляд

– Не смотри, – сказала Элис, и голос её был хриплым, чужим. – Арианна, не смотри.

Но я не могла.

Цветок раскрывался. Лепесток за лепестком. Медленно. Неохотно. Будто его заставляли. Каждый лепесток, открываясь, издавал звук – тонкий, звенящий, похожий на стон раненого зверя. Я слышала его кожей, зубами, каждой клеткой. Он проходил сквозь меня, оставляя после себя пустоту и холод.

Красный свет стал ярче. Теперь он лился не только от цветка – от всего помоста, от упавшего молчаливника, от рун, которые то загорались, то гасли. И в этом свете я увидела – на секунду, не больше – лица оставшихся.

У того, что слева, тоже не было лица. Только пустота и красный свет.

А у того, что стоял в центре, у того, кто принёс цветок, у того, кто был выше всех...

У него было лицо.

Бледное, красивое, с закрытыми глазами. Он был молод.

Что-то в этих чертах показалось мне знакомым. Острый подбородок. Линия скул. Тонкие губы, сжатые в нить. Я смотрела на него и не могла понять, что именно меня тревожит. Сердце колотилось где-то в горле, но не от страха перед цветком – от чего-то другого, почти забытого чувства.

– Арианна? – голос Элис доносился будто сквозь воду.

Я не ответила. Я вглядывалась в это лицо, пытаюсь поймать ускользающую мысль.

А потом он открыл глаза.

Пустые и белые.

Я узнала их.

Мир рухнул во второй раз за эту ночь.

Он открыл рот. И закричал.

Не голосом – всем телом. Вибрация стала сильнее. Камни под ногами дрогнули, пошли трещинами. Где-то зазвенело стекло – разом, будто все окна в городе решили разбиться одновременно. Люди кричали, толпа шарахнулась назад, и я почувствовала, как меня толкнули, сжали и понесли.

– Что происходит?! – закричала я, перекрывая шум.

– Молчальник, у которого есть лицо! – Элис кричала мне прямо в ухо, и я слышала её только потому, что она держала меня за руку, прижималась, не отпускала. – Он не должен был вернуться! Никто не должен был вернуться! Цветок... цветок не распускается! Его заставляют!

Красный свет вспыхнул – ослепительный, яростный, та-

кой яркий, что я зажмурилась, прикрывая лицо руками. Даже сквозь закрытые веки он проникал в глаза, заставлял их слезиться, жечь. Он был везде – во мне, вокруг меня, над площадью, над городом, над миром.

А потом погас.

Темнота накрыла площадь. Густая, вязкая, такая плотная, что я не видела своей руки, поднесённой к лицу. Ни огней, ни луны, ни фонарей. Только темнота. И крики.

Люди кричали, дети плакали, кто-то звал Игниса, кто-то – Терру, кто-то – маму. Где-то слева что-то упало с грохотом. Где-то справа женщина надрывно звала: «Марта! Марта, где ты?!» Я стояла, вцепившись в руку Элис, и не могла двинуться с места.

– Арианна! – голос Элис был твёрдым, почти спокойным.
– Слушай меня!

– Я здесь!

– Мы уходим. Сейчас. Быстро!

– Но цветок...

– Цветок не распустится сегодня! Или распустится, но не так, как должно! Мы ничего не можем сделать! Уходим!

Она потянула меня за руку, и я пошла за ней, спотыкаясь в темноте. Ноги путались в юбке, в чужих ногах, в сумках, которые кто-то бросил на землю. Я наступила на что-то мягкое – чью-то шаль или плащ – и чуть не упала. Элис рванула меня вверх, не давая упасть.

– Держись за меня! – крикнула она. – Не отпускай!

Ирна бежала рядом, я слышала её дыхание – частое и прерывистое. Она прижимала к себе Аннет, которая, кажется, вообще перестала понимать, что происходит. Аннет молчала. Не плакала, не кричала, не звала никого. Просто шла, куда её вели.

Вокруг нас была паника. Люди метались, не понимая, куда бежать. Кто-то бежал к выходу с площади, кто-то – к центру, к помосту. Старик в светлом плаще упал, и никто не остановился, чтобы помочь ему подняться. Женщина с ребёнком на руках кричала, пробиваясь сквозь толпу. Мужчина в дорожной куртке стоял посреди площади, глядя в небо, и повторял: «Это конец, это конец».

Я хотела сказать ему, что это не конец, что ничего ещё не закончилось, но слова так и остались у меня в голове. Потому что я не была уверена. Потому что я только что увидела Марка. И он был не мёртв. Он был хуже.

– Сюда! – Элис свернула в переулок, и мы побежали за ней.

Переулок был узким, тёмным, но здесь не было людей. Только наши шаги, гулко отдающиеся от стен, и наше дыхание, и где-то далеко – крики, которые становились всё тише.

За нашими спинами площадь гудела. Не так, как гудит толпа на празднике – радостно, шумно, живо. Она гудела, как потревоженный улей. В этом гуле были страх, боль и отчаяние.

А в темноте над крышами мерцало красное, пульсирую-

щее, живое морево.

Я подняла голову и увидела его – то же самое сияние, что было внутри цветка, теперь расплзалось по небу, как чернила по воде.

Я не оглядывалась. Я просто бежала.

Мы остановились у ворот храма, когда поняли, что нас никто не преследует.

Элис прислонилась к стене, согнувшись пополам. Её лицо было красным, волосы выбились из пучка, на лбу блеснул пот. Она смотрела на меня, пытаясь улыбнуться, но улыбка не получалась.

– Ты... как? – выдохнула она.

– Жива, – ответила я, чувствуя, как ноги подкашиваются.

Ирна опустилась на корточки прямо на мостовую, держась за сердце. Её волосы растрепались, на щеке была грязь – не знаю, откуда она взялась. Она дышала тяжело, с присвистом, но молчала.

Аннет стояла, обхватив себя руками, и смотрела в сторону площади, где всё ещё слышались крики. Она вообще никак не реагировала – просто стояла и смотрела туда, где в темноте мерцал красный свет. У неё был шок.

– Аннет, – позвала я. – Ты как?

Она не ответила. Я подошла, взяла её за руку. Рука была ледяной.

– Аннет, посмотри на меня.

Она медленно повернула голову. Глаза у неё были пустые, невидящие.

– Всё будет хорошо, – сказала я, не зная, правда это или нет.

Она кивнула, но я не была уверена, что она вообще меня слышит.

– Где бабушка? – спросила я.

– Она была у храма, – сказала Ирна, поднимаясь. – Я видела. Она стояла у ворот, когда началось.

– Я пойду.

– Нет, – Элис схватила меня за руку. – Сначала разберёмся, что произошло. Потом пойдём.

Бабушка выходила из ворот храма, опираясь на руку той самой женщины в синем плаще, которую я видела у фонтана. Она была бледна. Бледнее, чем я когда-либо её видела. Но она шла прямо, держалась ровно, и в её глазах не было страха – только усталость.

– Бабушка!

Я бросилась к ней, но она остановила меня жестом.

– Всё в порядке, – сказала она. – Я в порядке. Цветок... цветок не распустился.

– Мы видели, – кивнула Элис. – Что это было?

Бабушка посмотрела на неё, потом на меня. В её взгляде было что-то тяжёлое.

– Марк.

Глава 6

У ворот храма из темноты выступила женщина в синем плаще — та самая, с которой бабушка разговаривала у фонтана. Высокая, худощавая, с седыми волосами, туго заплетёнными в косу. На шее у неё мерцал серебряный амулет в форме пламени.

— Вы, наверное, замёрзли, — произнесла она. Голос звучал спокойно, чуть хрипловато — так говорят те, кто привык общаться шёпотом. — Идёмте. У нас есть тёплая комната. Не на улице же вам ночевать.

— Мы не хотим обременять... — начала я.

— Не обременяйте, — перебила она и жестом указала на вход. — Просто пройдите.

Внутри храм оказался куда просторнее, чем представлялось снаружи: узкие коридоры, высокие своды, воздух, пропитанный ароматами воска и ладана. Женщина шла впереди, не оборачиваясь, словно заранее знала, что мы следуем за ней.

— Меня зовут Веда, — бросила она на ходу. — Я хранительница этого храма. Ваша бабушка просила присмотреть за вами.

— Она здесь? — встрепелась я.

— Ушла. Сказала, что вернётся под утро. Ей нужно кое-что проверить.

Я хотела уточнить — что именно, — но промолчала. Бабушка всегда поступала так, как считала нужным, и редко

утруждала себя объяснениями.

Веда распахнула дверь в небольшую комнату. Внутри царило тепло: в камине трепетали языки пламени, на полу раскинулись толстые шерстяные ковры, вдоль стен стояли низкие диваны, щедро усыпанные подушками. В углу приютился стол с кувшином и парой кружек.

— Здесь можно отдохнуть, — сказала Веда. — Травяной чай вас согреет и успокоит.

— Спасибо, — тихо поблагодарила Элис.

Мы замерли посреди комнаты, растерянные и неуверенные. Первой пришла в себя Элис: скинула куртку, плюхнулась на диван и потянула меня за руку.

— Иди сюда. Ты замёрзла, как собака.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулась я, но всё же послушно опустилась рядом.

Ирна устроилась в кресле у камина, поджав ноги. Аннет села на ковёр у её ног и прислонилась к коленям подруги. В комнате повисла тишина — лишь потрескивали дрова да глухо гудел ветер за стенами.

— Ты как? — нарушила молчание Ирна.

— Не знаю, — ответила Аннет. — Я ничего не понимаю... Этот цветок, эти молчаливники, этот... — она запнулась, — тот, с лицом. Кто это?

Я неотрывно смотрела на огонь, чувствуя, как внутри нарастает странное ощущение. Не страх. Не боль. Что-то иное — любопытство, смешанное с отвращением. Словно смот-

ришь на что-то мерзкое, но не можешь отвести взгляд.

— Марк, — выдохнула я наконец.

Аннет подняла голову:

— Что?

— Это Марк. Молчальник с лицом — это он.

— Не может быть, — прошептала Аннет. — Его изгнали. Он стал Отверженным.

— Я не знаю, — покачала я головой. — И, честно говоря, мне всё равно.

Подруги уставились на меня.

— В смысле? — настороженно спросила Элис.

— В прямом. Он был частью моей жизни. Плохой частью. Я вырвала его, как сорняк. Мне не нужно знать, почему он теперь молчальник. Мне не важно, как он там оказался.

Я замолчала, но воспоминания уже пробирались в сознание — против воли, настойчиво.

Мы сидим на подоконнике в пустом коридоре, за окном сгущаются сумерки. Марк держит меня за руку, осторожно перебирает пальцы. Его лицо напряжено, будто он хочет сказать что-то важное, но никак не решается.

— Мне поступило предложение, — наконец произносит он. — Очень важное.

— Какое? — спрашиваю я.

— Не могу сказать. Это секрет. Но если всё получится... я смогу обеспечить нам обоим будущее. Такое, о котором ты даже не мечтала.

— Мне не нужно, чтобы ты обеспечивал моё будущее, — отвечаю я. — Я сама справлюсь.

Он улыбается, ласково гладит меня по щеке:

— Знаю. Поэтому я тебя и люблю.

Тогда я решила, что речь идёт о какой-то престижной работе, о должности, которая сделает его влиятельным. Я не придавала значения его словам — мало ли какие предложения получают талантливые выпускники...

— Ты зависла, — выдернула меня из воспоминаний Элис.

— Вспомнила кое-что, — коротко ответила я, не желая вдаваться в подробности.

— Думаешь, это связано с цветком? — предположила Ирина.

— Не знаю. Но если да... значит, он знал. Знал о Забытых Берегах ещё тогда. Может быть, даже до того, как... — Я сглотнула, чувствуя, как в горле встал ком.

— Или его изгнали, чтобы он туда попал, — тихо добавила Аннет.

Мы обменялись взглядами.

— Это уже не важно, — твёрдо сказала я. — Важно то, что он теперь здесь. И он опасен.

— Ты хочешь его остановить? — уточнила Элис.

— Я хочу понять, что он задумал. Как это связано с цветком, с родителями, с магией. Если он — угроза, я должна знать, насколько серьёзная. Не для того, чтобы его спасти.

Чтобы защитить себя и вас.

— Ты изменилась, — заметила Ирна.

— Я повзрослела, — ответила я.

Мы снова замолчали. Я смотрела на огонь и вспоминала, как легко он тогда улыбался, как уверенно говорил: «Я смогу обеспечить нам обоим будущее». Он не лгал — он действительно хотел этого. Просто его будущее не совпадало с моим. И оно предназначалось не для нас двоих, а только для него.

— Что теперь? — спросила Аннет.

— Не знаю, — призналась я.

— Мы пойдём в Забытые Берега, — решительно заявила Ирна — не спросила, а утвердила.

Я подняла на неё взгляд:

— Ты не обязана.

— Я знаю.

— Это опасно.

— Я знаю.

— Там можно умереть.

— Арианна, — Ирна повернулась ко мне. Её глаза блеснули в свете камина. — Я знаю. Но я не оставляю тебя. Не после того, как ты год пряталась от всех нас. Не после того, как я нашла тебя на этом празднике. Не после того, как увидела, на что ты готова ради них.

— Ради родителей, — уточнила я.

— И ради правды, — добавила Элис. — Ты пойдёшь, чтобы понять, что происходит с магией. И чтобы остановить это.

Подруги кивнули.

Я оглядела их:

Ирну — строгую, сильную, которая держалась так, будто ничего не случилось, хотя я замечала, как дрожат её руки;

Элис — ласковую, обнимавшую меня так, словно я могла рассыпаться;

Аннет — бледную, тихую, с покрасневшими глазами, всё ещё не до конца осознающую, что происходит.

— Вы дуры, — хрипло сказала я.

— Знаем, — улыбнулась Элис.

— Настоящие дуры.

— Это мы уже слышали.

Я хотела добавить что-то ещё, но вместо слов вырвался тихий, почти беззвучный смех — и слёзы, которые я сдерживала целый год.

Элис тут же обняла меня. Ирна положила руку на плечо. Аннет прижалась к моей спине.

Мы сидели так долго — пока слёзы не иссякли, дыхание не выровнялось, а за окнами храма не начало сереть.

— Твои волосы, — вдруг заметила Элис. — Они снова золотые.

Я провела рукой по коротким прядям — тёплым, живым.

Укрывшись пледами, мы устроились на мягких диванах и стали ждать рассвета.

А где-то там, за стенами, в темноте пульсировал красный свет. И кто-то с белыми глазами неотрывно смотрел в нашу

сторону.

Сон, тяжёлый от переизбытка чувств, постепенно окутывал нас. Мы так и уснули — прижавшись друг к другу, согревая друг друга, — прямо там, в этой тихой комнате, где трещал камин и пахло травами.

Глава 7

Я стояла у ворот и смотрела на белый купол, который сверкал на солнце так, что глазам было больно. Я была младше всех, кто поступал в этом году. И я боялась.

Бабушка уже уехала. Не обняла на прощание — она никогда не обнимала. Только сказала:

— Не высовывайся. Учись. И не вздумай никому показывать, что ты умеешь.

— Почему?

— Потому что люди боятся того, чего не понимают. А то, чего они боятся, они пытаются уничтожить или использовать. И то и другое — плохо.

Я кивнула, но не послушалась. Я никогда её не слушалась.

Моя магия тогда только начинала просыпаться. Я чувствовала её внутри как смутную, едва уловимую вибрацию — что-то между стуком сердца и шёпотом на границе слуха. Она не подчинялась мне. Она просто была и ждала.

Я заметила это за год до Академии, когда помогала бабушке в саду. Стоял жаркий полдень, воздух дрожал над грядками, и даже тени прятались под листьями. Бабушка ушла в дом за водой, оставив меня одну.

Я обходила цветы, проверяла, кому нужно солнце, а кому — тень. И вдруг остановилась.

Одно из растений — небольшой куст с серебристыми листьями, который бабушка посадила прошлой весной, — увядало. Я помнила его цветущим: нежные белые колокольчики, которые распускались на рассвете и закрывались к полудню. Теперь листья его поникли, края пожелтели, а стебель стал тонким, будто внутри не осталось соков.

Я опустила на колени. Земля вокруг была сухой, потрескавшейся. Кто-то забыл его полить. Я провела пальцами по опавшим листьям, собираясь оторвать засохшие, чтобы они не тянули силу из живых.

И тогда это случилось.

Кончики пальцев закололо. Не больно — скорее, как лёгкий разряд, как статическое электричество, которое пробегает по коже перед грозой. Я замерла. По руке, от пальцев к запястью, поднялось тепло. Оно не было чужим. Оно было моим. Словно что-то, что спало глубоко внутри, наконец пошевелилось, потянулось и открыло глаза.

Я отдернула руку и повернулась к бабушке. Она стояла в дверях дома с кружкой в руке и смотрела на меня, улыбаясь. Не своей обычной сухой, сдержанной улыбкой, а широко, открыто, будто увидела то, чего ждала много лет.

Я не поняла. Я повернулась обратно к цветку. Он стоял как новенький.

Листья, которые только что висели мокрыми тряпками, поднялись и расправились. Жёлтые края снова стали зелёными. Стебель налился силой, выпрямился, и на самой верхушке, там, где ещё утром ничего не было, раскрылся бутон. Белый колокольчик распустился прямо на моих глазах, и воздух вокруг наполнился сладким, чуть терпким ароматом.

Я заморгала. Сердце колотилось где-то в районе левой пятки. Я дотронулась до листа — он был прохладным, упругим, живым. Совсем не таким, как несколько секунд назад.

— Ну наконец-то, — сказала бабушка.

Голос у неё был спокойный, но я слышала в нём то, что она не говорила вслух. Облегчение. Гордость. Она ждала этого момента долго и наконец дождалась.

Я подняла на неё глаза.

— Это я сделала?

— Ты помогла ему вспомнить, как быть живым, — ответила она. — Это одно и то же.

Я смотрела на свои руки. Обычные руки, в земле под ногтями, с царапиной на запястье. Ничего особенного.

Но внутри, там, где только что было тепло, теперь разливался свет. Я всё это время носила в себе зажжённую свечу и только сейчас заметила её пламя.

Бабушка подошла, протянула мне кружку.

— Пей, — сказала она. — Завтра начинаем готовиться к Академии.

— К Академии?

— Ты думала, я всю жизнь буду держать тебя в этом саду? — она усмехнулась. — Твой дар проснулся, Арианна. Теперь он будет расти. И тебе понадобятся те, кто научит тебя им управлять.

Вода была холодной, почти ледяной. Я сделала глоток и посмотрела на цветок.

Он качался на ветру, белый колокольчик звенел на тонком стебле, и мне показалось, что он улыбается.

Академия представляла собой высокое белоснежное куполообразное здание с множеством переплетений из небольших крытых коридорчиков с аркообразными окнами. Главное здание стояло посередине, и к нему, будто нити паутины, тянулись переходы — от менее внушительных по размерам зданий, разбросанных по огромному парку.

С высоты птичьего полёта Академия напоминала цветок: главный купол — сердцевина, а корпуса факультетов — лепестки, соединённые с центром тонкими стеблями-коридорами. В ясные дни белый камень стен сверкал так, что глазам было больно. В дождливые — Академия становилась серой, задумчивой, почти мрачной, и тогда казалось, что она прячется от мира, уходит в себя.

В центре главного купола находилась Библиотека Древних Свитков — круглый зал с витражным потолком, куда днём лился золотой свет, а ночью были видны звёзды. Говорили, что под куполом зашифрована карта всех магических потоков мира, и тот, кто сможет её прочитать, получит до-

ступ к первозданной магии.

Академия делилась на пять основных направлений. Каждый факультет располагался в отдельном корпусе, соединённом с главным зданием переходом. У каждого факультета был свой цвет, свой декан, свои традиции.

Я училась на факультете Сил природы. Мы располагались в самом старом корпусе, увитом плющом так, что стен почти не было видно. Внутри — оранжереи, зимние сады, гербарии и комнаты с землёй, привезённой из разных уголков мира.

Наш декан, Магистра Флора Вёрде, была старой женщиной с руками, похожими на корни, и глазами цвета молодой листвы. Она никогда не повышала голоса. Она просто смотрела. И этого было достаточно.

— Природа не терпит суеты, — говорила она. — Природа терпит только тех, кто умеет ждать.

Я училась ждать. Училась слушать и слышать.

Мои способности раскрывались постепенно. Я могла чувствовать, что нужно дереву, чего хочет цветок, почему трава в этом месте растёт хуже, чем в соседнем. Я могла вырастить растение за несколько минут вместо нескольких недель — не заставляя, а помогая. Я могла восстановить плодородие земли, очистить отравленную почву, нейтрализовать проклятия.

Но главным был обмен силой — я могла брать силу из земли и растений, не уничтожая их, а потом возвращать с приумножением. Это был мой главный дар. И моё главное

проклятие.

Мои волосы тогда были длинными. До пояса. Они меняли цвет в зависимости от настроения, и бабушка говорила, что это позор для дома Ортаннов — ходить с головой, которая светится, как праздничный фонарь. Когда я злилась, волосы становились медными, с рыжими искрами. Когда грустила — темнели до пепельного. Когда была спокойна — отливали золотом. А когда была счастлива... впрочем, тогда я была счастлива редко.

Ирна училась на факультете Управления стихиями, в Доме Ветра. Она была выдающейся студенткой, старостой группы. Строгой, безукоризненной, сильной. Когда она защищала свои проекты, можно было смело представить, что она на поле боя, и уйдёт она оттуда с победой. Её дар — эмпатия ветра — позволял ей не просто управлять потоками, а чувствовать настроение воздуха, передавать сообщения на огромные расстояния, даже слышать отголоски разговоров, которые ветер приносил из других земель. Преподаватели говорили, что она могла бы стать Хранительницей Ветров, если бы не её любовь к сплетням и дурацким шуткам.

Их декан, Магистр Игнис Фламма, был причудливым стариканом. Его белая борода спускалась далеко ниже предполагаемой талии, а посох напоминал закрученную между собой косу из четырёх прядей разного цвета: синей, красной, серебряной и коричневой. На кончике его посоха мерно покачивалась та или иная стихия.

Когда занятия проходили в Доме Ветра, на кончике посоха виднелось небольшое торнадо, кружащее и издающее небольшой свист. От этого свиста его седая борода поднималась и опускалась в такт монологам, будто дышала вместе с ним. Студенты любили его лекции — не потому, что они были лёгкими, а потому, что Магистр Игнис умел говорить с ветром на равных. Он не приказывал стихии, он договаривался с ней.

— Ветер не терпит приказов, — говорил он, поглаживая бороду, которая колыхалась от его же торнадо. — Ветер терпит только тех, кто его понимает. А понимать его может только тот, кто сам умеет быть гибким.

Элис училась на факультете Магии памяти и времени. Это было самое маленькое и самое загадочное здание Академии. Вход только по специальному разрешению декана. Говорили, что внутри нет окон, только бесконечные коридоры с дверями, которые ведут в разные времена.

Элис была тактильной, жизнерадостной, нежной. Она любила кристаллы — они светились в её руках, пели, переливались. Её способность видеть структуру вещей позволяла ей находить ошибки в древних заклинаниях, восстанавливать утраченные фрагменты. Она обожала всех — обнимала, целовала в щёку, держала за руку. И все ей позволяли. С Элис было легко.

Аннет училась на факультете Иллюзий и притяжения. Её

здание постоянно меняло облик. Сегодня оно могло быть готическим замком, завтра — лёгкой беседкой, послезавтра — вообще исчезнуть. Студенты других факультетов часто терялись по пути к нему.

Аннет была подругой детства. Мы знали друг друга с пелёнок, росли вместе, делились секретами. Она была тихой, застенчивой, и я думала, что мы понимаем друг друга без слов. Её дар — иллюзии и маскировка — позволял ей создавать красивые, но пустые образы. Она умела выглядеть идеально, но не умела быть собой.

Потом появился он. И всё сломалось. Но об этом позже. Марк учился на факультете Внушения. Его корпус был подземным. Вход — через неприметную дверь в подвале главного здания. Никто не знал, как он выглядит изнутри, потому что студентов туда пускали только по специальному допуску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.